18+

Екатерина Минибаева

Новая раса

Екатерина Минибаева

Новая раса

«Издательские решения»

Минибаева Е.

Новая раса / Е. Минибаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505483-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Земля. 439 год новой эры. Люди, уставшие от долгой войны, уже более ста лет живут в согласии с природой, технологиями и друг с другом. Молодая девушка каждый день ищет в диком лесу необычные растения с целью создать сад мечты. Во время одной из таких прогулок местный исследователь замечает её телепатические способности и предлагает работать вместе.

ISBN 978-5-00-505483-8

© Минибаева Е.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Забытый Запад 6
1 6
2 11
3 23
4 31
5 43
6 52
7 58
8 68
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Новая раса
Екатерина Минибаева

Алексей Новиков *Дизайнер обложки*
© Екатерина Минибаева, 2025
© Алексей Новиков, дизайн обложки, 2025
ISBN 978-5-0050-5483-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Забытый Запад

1

Всё самое неожиданное случается удивительно…
Народная мудрость

Катюша шла по пыльной дороге. Стояла невыносимая, нетипичная для середины мая жара. Все нормальные люди сидят в поместьях, прячутся по домам или в тени деревьев, купаются в прудах или на речке. А кто сказал, что она нормальная? Даже переезд в этот район многие сочли бы безумством. Катюша за всё недолгое время проживания здесь так и не поняла, что же тут такого особенного. Местные жители приветливы, всегда готовы помочь, на странности друг друга не обращают внимания. Хватает странностей природы.

На западных землях возникло множество новых видов растений. Хвойный и смешанный лес стал похож на непроходимые джунгли с различными экзотическими формами. Пока идёшь, можно многое увидеть, возможно, что-то редкое или ранее неизвестное. Особенно полевые цветы – Катюшину слабость – в изобилии растущие вдоль железной дороги.

Она уже три часа в пути. Самодельный льняной сарафан перестал спасать от жары. Катюша с радостью сняла бы его, но тогда она мигом станет ужасно чумазой.

Справа, через двести метров от дороги, есть русло пересохшего канала. Пока ещё, после весеннего паводка, там есть вода. Катюша сошла с дороги в лесок, представляя обжигающую прохладу. Через пару шагов передумала, вернулась и продолжила путь. Купаться она будет вечером, когда вернётся домой и разберётся с саженцами. Иначе расслабишься, проваляешься полдня на траве и не сделаешь то, что запланировала.

Она остановилась, сняла сетчатые сапоги, связала их и перекинула через плечо. На дороге началась такая пыль, что не пройдись Катюша по ней босиком, день можно считать потерянным.

Некогда заражённые земли давно очистились, однако люди сюда не спешили. Поначалу эти места казались Кате вообще безлюдными. Восток Русского региона, где она выросла и откуда приехала около года назад, был заселён очень плотно. Там поселения располагались самое большее в пяти километрах друг от друга. Исключение составляли заповедные зоны, схожие с Западом своей нетронутой дикостью и редкими историческими руинами – остатками прошлой эры.

Изредка мимо проносились летательные аппараты, среди которых довольно часто попадались капсулы ЛА, названные по двум первым буквам имени человека, четыреста лет назад круто изменившего историю Земли. Катюше приходилось летать на таких же аппаратах на обучающие экскурсии. На Востоке редко можно увидеть ЛА индивидуального пользования, люди там почти не работают по контракту, живут тем, что вырастят и произведут сами и тем, что положено каждому при рождении от Комитета. Катюшина большая семья не могла позволить себе даже аэроскутер. Наземный транспорт, распространённый до эпохи преобразователя считался экзотикой за исключением велосипеда и различных его конструкций, не требующих топлива. Более быстрым и доступным средством передвижения являлись бесплатные поезда. Они, полупустые, ездили по всему континенту довольно часто. На таком поезде она и добралась до забытого Запада. Не сразу, правда. По пути много раз высаживалась в различных посёлках, жила там от недели до месяца, потом садилась опять на поезд, следующий в западном направлении, и ехала дальше. Иногда сворачивала на Юг, но там было почти как на Востоке. Также

всё густо заселено, тот же менталитет, то же расслабленное времяпрепровождение и медитативное занятие ручным трудом. Разве что теплее.

Дойдя до полянки, примеченной с поезда, Катюша скинула сарафан, оставшись в коротких шортиках и майке чёрного цвета – повседневной одежды фрилайферов в тёплое время года. Она расстелила сарафан, взмахом раскрыла карманную лопату и принялась выкапывать и складывать в него саженцы. Потом она завяжет их узлом, как-нибудь дойдёт домой, рассадит растения и пойдёт к рядом протекающей реке, где и сарафан отстирает, и сама вдоволь наплавается. Придёт домой, съест что-нибудь, уже выросшее в саду, если сил хватит, а может, сразу ляжет спать. Проснётся рано, теперь уже нормально поест и, нацепив высохшее платье, опять пойдёт вдоль старинной железной дороги искать то, чего ни у кого ещё нет.

С тех пор, как сошёл снег, Катюшины дни были однообразны до скуки, но это лишь на первый взгляд. Неисследованный лес манил её и открывал тайны, которые лес открывает только тому, кто пришёл к нему как гость и как друг, а не потребитель или исследователь.

Накопав саженцев, она отправилась обратно. Тюк на этот раз получился очень тяжёлым, и впервые Катюша подумала о том, что завтра возьмёт всё-таки велосипед, любезно предлагаемый соседями.

Метрах в пяти от неё притормозила капсула и зависла в воздухе, издавая приятный гул. Из неё выпрыгнул молодой человек лет двадцати пяти. Что-то показалось ей необычным в этом прыжке. И глаза, огромные, тёмного, почти чёрного цвета, несколько раскосые, с неестественным сияющим блеском, при этом добрые. В целом, он был очень симпатичный. Чуть выше Катюши, превосходного телосложения, в шортах и майке чёрного цвета, на запястьях чёрные повязки из такого же материала. Торчащие в разные стороны волосы русого цвета делали его похожим на героя какого-то старинного мультика.

– Девушка, вас подвезти? – спросил он.

– Да, спасибо. Если можно, – Катюша устало опустила тюк с растениями на землю.

– А почему же нельзя? Давайте свой мешок. Запрыгните или пониже опустить?

И не дождавшись ответа, скомандовал:

– ЛА, земля!

Капсула послушно приземлилась. «Выпендрёжник!» – подумала Катюша. Конечно, на метр с лишним она бы не запрыгнула, но залезть бы сумела. Зачем было изначально зависать высоко?

– Дрессированная? – улыбнулась она, пристраиваясь поудобнее.

– Ага, ЛА-5, модель старенькая, но одна из лучших, – незнакомец начал взлетать уверенно, так, как будто был частью машины. – Изобретать что-то дальше, по-моему, смысла нет. Как говорится, от добра добра не ищут.

– Я на восьмых летала, ничем вроде не отличаются.

– Конечно, не отличаются, так, по мелочам. Восьмые под туристические поездки оборудованы. Вместо двух влезет человек шесть-семь, не считая пилота. Только эту сам Великий Лайнос проектировал! Последующие четыре модели капсул усовершенствованы совсем незначительно. Девятки вот недавно выпустили, специально для космических полётов. Ну и что? При гиперперемещении даже в пределах Солнечной системы ломаются ничуть не хуже остальных, а по орбите вокруг Земли болтаться и на этой можно, – он похлопал капсулу по панели управления. – Превзойти создателя нереально.

– Вполне реально, – возразила Катюша. – Я сейчас не о Великом Лайносе и его машинах, если честно, я не особо тщательно изучала этот период истории, так что тут спорить не буду. Природа превзошла сама себя. Я как сюда приехала, каждый день удивляюсь разнообразию. На Востоке нет такого.

– Так ты с Востока?

Катюша кивнула.

– Как и половина местных. Тебя как зовут?

– Екатерина. А тебя?

– А меня Один. Мы правильно летим? Тебе же в строящийся посёлок? Новую Волгу?

– Да-да. Тут вроде больше некуда.

– Ага, у меня тоже гараж там неподалёку. Это я так спросил, вдруг ты отшельник, и тебе в лес надо или в заброшенные бункеры.

– Скажи ещё, в старую столицу!

– Ну, а что? Конечно, в войну её хорошо потрепали, а после хорошо разобрали то, что можно было взять, но сейчас там вполне прилично.

Обо всех этих бункерах и разрушенных городах Западного района ходило много слухов. И хотя весь Запад был признан безопасным, никакого желания посещать эти места без необходимости никто не проявлял.

В старинную Москву Катюша ездила буквально на прошлой неделе, ради интереса. Ещё задолго до того, как она приехала в посёлок, слышала про несколько провалившихся поместий. Сейчас эти поместья малочисленные жители бывшей столицы сделали местной достопримечательностью. В назидание тем, кто удумает тут жить, ну и с целью заработать. Проводили экскурсии по древним руинам и современным, гарантировали безопасность и рассказывали множество интересных вещей. Пользоваться их услугами Катюша не стала – стартовые деньги заканчивались, и надо было экономить на всём. Побродила по развалинам, на обратном пути к вокзалу встретила двух человек. Из разговора с ними выяснилось, что они знают какой-то секрет, как себя вести в этом городе, потому-то лучше гулять с проводником. Что-то подсказывало, что ничего они не знают, а просто предлагают свои услуги, и она поспешила на поезд. Город, несмотря на близость к Новой Волге, был чужим. Он не отталкивал, но и не притягивал. Лишь когда в окне поезда перестали мелькать остатки разобранных зданий и начался сплошной, местами непроходимый лес, она почувствовала себя дома.

– Ненадёжно там, – сказала Катюша. – Сколько веков прошло, а место до сих пор нездорово. Словно боится, что опять всё застроят, забетонируют. Не хочет людей подпускать.

– Да, есть такое, но, тем не менее, и там живут.

– Что странно, и в Москве среди людей жертв нет, и по всему миру смертность от несчастных случаев – редкость.

– Бережёт Земля современных людей, они ведь её научились беречь. Просто забыть не может. Простить – простила, а забыть не может. Это человеческие поколения меняются, и об ужасах истории можно только в сети найти и в уцелевших книгах тех времён, а Земля всё сама переживала, лично, так сказать.

– Да уж… Слушай, ведь ты сейчас прямо мои мысли изложил, только связно.

– О, я по привычке прилетел к своему гаражу.

Катюша выглянула, увидела зелёный холм. Возможно, собственно гараж и дом с садом располагались за ним. Странно, что Один забрался на самую окраину посёлка. Расположился даже ближе к старинным подземным бункерам, чем к людям. И раз его не было в списке жителей, а Катюша точно помнила, что не было, значит, его поместье не принадлежит поселению. Кто ещё отшельник!

– Ну что? Выпускай меня, – попросила Катюша, собираясь дойти сама.

– Нет, ну что ты! Сейчас мигом. К гиперскорости как относишься?

– Нормально, но здесь же нельзя.

– Да, нельзя. Не успеем поговорить, – он убрал руку с рычага. – У меня есть к тебе предложение. Скажи координаты, пусть сама летит. ЛА, автопилот! Скорость 5 км.

Катюша назвала номер своего участка. Капсула развернулась и, не взлетая высоко, поплыла в его направлении.

– Гиперскорость, – смеясь, проговорила Катюша.

– Сделал бы ещё медленнее, но для машины это затратно, – Один перестал следить за управлением, развернулся в сторону Катюши и начал говорить прямо-таки рекламным голосом. – Я давно за тобой наблюдаю и очень заинтересован твоим общением с растениями. Мне нужен напарник. Наша организация исследует лес. Я не выполняю план. Меня могут снять с этой работы, а очень не хочется. Здесь хорошие условия, уйма свободного времени и дружный коллектив. Я, в свою очередь, привезу любое количество саженцев, которое тебе нужно. С капсулой можно добраться туда, куда ты никогда не дойдёшь сама. И найти удивительные растения, которыми так богаты земли забытого Запада.

– Не понимаю, зачем я тебе, если с капсулой всё можно.

– Во-первых, я хочу помочь красивой девушке, во-вторых, в хорошей компании всегда веселее. Ну, а если серьёзно, мне нужен человек, притягивающий к себе растения.

– Как это?

– Сколько ты сегодня нашла новых видов?

– Пять. Один из них, правда, я не сегодня нашла. С поезда заметила. Несколько дней некогда было дойти до полянки с этими цветами. Красивые такие, жёлтые, на розы похожи издалека, но совсем не розы. Теперь они у меня есть, лишь бы прижились.

– Вот видишь. Пять. А я два, причём не совсем новых для меня. Твои жёлтые розы и ещё один симпатичный пушистый травяной шар, у тебя он тоже есть, я видел. Родственные им виды я находил неделю назад. Всё это время летал просто так, безрезультатно.

– А зачем летать для результата? Я не ставлю себе цель найти новые виды. Приятно, когда такое каждый день происходит, но я просто иду, любуюсь пейзажами, выкапываю растения, в том числе и не новые, пересаживаю к себе. Мне это нравится, и я никуда не спешу, вот и гуляю.

– То есть тебе не сад нужен, тебе интересно? Именно это мне и надо! – обрадовался Один.

– Нет, как же без сада! Жить то мне надо где-то. У меня мечта! Вырастить такой сад, в котором будет не скучно. Не как на Востоке. Дорожки, тропинки, газоны, клумбы – всё это так надоедает! А в лесу интересно. Он разговаривать умеет! Но там слишком дико. Комары, болота… И не всегда понятно, что он говорит. Я хочу красивый зелёный дом-сад, который я буду понимать, буду его частью. Я как на Запад приехала, меня… как будто звёзды по голове через эти листики гладят… – Катюша заметила грустную улыбку на лице Одина. – Чушь какую-то несу, да?

– Нет, ну что ты, всё верно. И моя мечта – почти такая же. Согласишься со мной работать – твой дом станет красивым ещё быстрее.

Капсула начала снижаться и остановилась.

– Кстати, о собственно доме! Могу помочь со строительством. Вижу, не особо просторные хоромы, – Один открыл люк и сочувственно смотрел на её скромный фрилайферский домик.

– Мне хватает. Спасибо огромное за доставку и предложение. Я подумаю, – ответила Катюша и выпрыгнула из капсулы. Перспектива стать контрактником ей не улыбалась. Будущий сад – полтора гектара, треть из которых просто заросла кустарником, требовал уйму времени.

Один вышел за ней, поставил рядом тюк с растениями. И настойчиво продолжал её уговаривать:

– Давай я завтра за тобой заеду, денёк поработаем вместе, пробный. Не понравится, никто не держит. Ты же ничего не теряешь. Завтра в том же направлении собиралась путешествовать?

– Да, там ещё много интересного.

– А сколько ты увидишь интересного с такой машиной! – он похлопал рукой по блестящей, кажущейся живой, обшивке ЛА.

Катюша завистливо оглядела капсулу. И уж очень убедительным тоном говорил Один. Вообще, взгляд его чёрных глаз действовал на неё чуть ли не гипнотически.

– Н-ну хорошо, я в семь выхожу, – согласилась она.

– Отлично! Ровно в семь я буду здесь. До завтра.

– До завтра, спасибо ещё раз.

Новый друг запрыгнул в капсулу, помахал ей, и исчез, оставив после себя лишь секундное искажение пространства. Катюша зажмурилась от вспышки. «Самоуверенный выпендрёжник!» – подумала она. Вспомнила нетипичные для азиатской внешности русые волосы. «Ещё и крашеный!» Взяла тюк с растениями, дотащила до дома, уселась на крыльцо и посмотрела на облака. «Но классный!»

Она зашла в дом и взглянула на себя в зеркало. Увидев отражение, ужаснулась.

– Да он просто пожалел меня! Неужели я каждый вечер так выгляжу? Чего я раньше не замечала…

2

Фрилайфер – 1) социальный статус, приобретаемый человеком с момента рождения независимо от регистрации ДНК, гарантирующий права, определяемые Комитетом для различных групп и действующий до осознанного добровольного отказа от этого статуса или полёта за пределы Земли; 2) (разг.) – человек, не имеющий контракта с Комитетом или Сообществом универсалов; 3) (устар.) – жители заповедных поселений, не зарегистрированные в базе ДНК.
Современный юридический словарь, 430 (2762) год

На следующий день без двадцати семь перед домом вспыхнул свет. Капсула прилетела на гиперскорости. Катюша выбежала на крыльцо и жестом пригласила Одина войти.

Он зашёл и осмотрелся. Типичное современное жильё на одного человека в стиле эконом. Очень эконом. Домик напоминал сферу, чуть утопленную в землю. Внутри плавной линией делился на две части. Если смотреть сверху сквозь крышу, напоминал бы символ инь-ян. Диаметром шар был чуть более шести метров.

– И давно ты здесь живёшь? – спросил Один.

– С конца осени, – ответила Катюша. – Приехала сюда ещё год назад, как раз помню снег выпал, а на следующий день жара, не как сейчас, но градусов двадцать точно было. И дожди через день. Чувствую, моя погода! Никогда не угадаешь, что будет завтра. Ну, я всё лето по соседним поселениям путешествовала, искала место, которое, как говорят, должно на меня посмотреть. Ничего на меня так и не посмотрело, так что в сентябре я сюда вернулась и осталась. Люди здесь хорошие. И их мало.

– Зимой не холодно было?

– Нет, на Востоке и холоднее бывает.

– Там Комитет печи с преобразователем выдаёт.

– Только семейным. Уехавшие с родительских поместий одинокие люди и бездетные пары также дровами топят. По мне, так даже удобнее. Раз в день подкинул поленьев, температуру выставил, и сутки тепло. С преобразователем никогда не знаешь, чего ждать. Помню, родители замучались с этим. В результате также дрова кидают, чтоб среди ночи внезапно не кончилась энергия. Единственный плюс – дыма нет.

Один рассмеялся:

– Видел бы Лайнос! Все эти ограничения на оригинальный преобразователь неоправданны.

«Так он недовольный Комитетской системой! Ну, сейчас начнётся!» – подумала Катюша. Когда при ней разгорались споры о том, чьи интересы отражает Комитет, она поначалу зевала, а когда оппоненты готовы были уже чуть ли не драться, крепко спала где-нибудь в углу помещения или прямо на траве, если погода позволяла собираться друзьям на улице. Ей самой было всё равно, кто чьи интересы отражает, лишь бы не ущемляли её собственные права фрилайфера, как это было ещё сто лет назад. До создания существующей системы. Комитет старается, как умеет и как может. Если кто недоволен и хочет улучшить его работу, пожалуйста, предлагайте свои идеи. Только напрямую Комитету, а не в присутствии Катюши. Там только рады будут. Каждый имеет право на своё мнение и участие в управлении Землёй. На практике обычно всё ограничивалось лишь громкими высказываниями. Очень ей не хотелось, чтобы новый симпатичный друг оказался одним из подобных реформаторов.

– Не знаю, мне и так хорошо. Печка современная, не хуже этих дорогущих с преобразователем. Дверца прозрачная, огонь видно! В ванной даже в самые сильные морозы вода горячая, и коренья есть, где запекать. Соседи помогли всё обустроить. Там спальня и все удоб-

ства, – показывала она на дверь из коридора. – А здесь кухня, но у меня часто получается, что и спальня здесь.

– У меня так тоже получается, сплю иногда, где придётся…

– Сейчас я себе завтрак сделаю, и полетим. Вчера опять голодная уснула. Пока все растения посадила…

Один смотрел, как она смешивает в миске хлопья из зёрен, мелких орехов, сухофруктов, добавляет туда мелко нарезанную траву, мёд, сворачивает всё в колбаску, режет на кусочки, обваливает их в каких-то хлопьях. Он ещё раз оглядел помещение. Всё очень продумано и ничего лишнего. Печка являлась и частью перегородки. На полке несколько кастрюль, чайник, ручная мельница, немного посуды. Плита, не требующая дров – роскошь для только начинающего самостоятельную жизнь фрилайфера. Всего на одну конфорку. Небольшой кружочек, нагревающийся за счёт эффекта Лайноса. Любой прибор, созданный на основе преобразователя, стоит дорого. Несоизмеримо с источником энергии для него. Ни на один из них на Западе нет льгот. Даже на фонарики. Он перевёл взгляд на закреплённые в кашпо шарики размером с небольшое яблоко, один над столом, другой у входа в дом. От входа также начинался узкий шкаф, тянулся вдоль стены, предназначался, видимо, для сухофруктов, злаков и трав. Вряд ли там спрятаны неиспользуемые вещи, скорее всего, таких вещей в этом доме вообще нет. Стол без скатерти, самая обыкновенная табуретка. Все предметы мебели плавными линиями переходили один в другой. На кушетке вязаное одеяло серо-коричневых цветов. Узор простой. Никаких декоративных элементов в этой комнате не было и, Один был уверен, в другой тоже. Минимализм – одна из основных черт свободноживущего населения, но эта девушка, похоже, превзошла всех фрилайферов вместе взятых. Обычно люди стремятся украсить своё жильё, даже не имея достаточно средств. Кто для красоты, а кто со скуки. Расписывают посуду, вышивают одежду, делают мебель и стены с узорами. Видимо, для неё дом – это просто место для ночлега.

Он посмотрел на неё и улыбнулся. Даже для перетаскивания растений использует свой ужасный сарафан. Наверняка зимой этому сарафану будет придумано ещё какое-нибудь применение, для перетаскивания дров, например.

Катюша сложила печенье в плетёную корзиночку и, кинув туда бутылку воды, сказала:

– Обычно ем дома, а воду нахожу в лесу, но раз сегодня меня везут, то позавтракаю позже. Или, может, ты хочешь есть?

– Нет, нет, спасибо, я не голоден, – ответил Один, заглядывая под чёрную повязку на запястье.

– Тогда полетели, – сказала Катюша, выходя за ним.

– Ты не закрываешь дом? – удивлённо спросил он.

– А что у меня красть? Коммуникатор всегда с собой. Ночью изнутри закрываю. И люди же давно не воруют…

«Восток! И на Юге такие же», – подумал Один. Поразительная открытость внешнему миру сквозила в каждом её движении. Не было и тени стеснения, смущения, наигранности или недоверия. Для второго дня знакомства странно даже для современных людей, даже для фрилайферов. Многовековые войны наложили свой отпечаток на генетический код. Несмотря на практически полное отсутствие преступности, отточенную до совершенства систему связи и готовность спасательных бригад в считанные секунды прийти на помощь в случае опасности, людям всё равно требуется некоторое время, чтобы оценить новых знакомых. Хотя Кэт могла уже убедиться, что он не опасен для неё.

– Может, пустишь уже?

Они уже минуту стояли у капсулы. Один спохватился и открыл люк. Кэтти телепат, он почти был уверен в этом. Неизвестно только, насколько она сама это осознаёт.

– Ты зря своё платье-палатку натянула, в капсуле неудобно будет, – сказал Один.

– Это для растений, – ответила Катюша.

– Сможем набрать гораздо больше, чем сюда поместится.

– А рассаживать я когда их буду? Я же не на батарейках.

– Я помогу тебе. Батарейки, кстати, тоже заряжать надо, – сказал он и усмехнулся.

Катюша села и внимательно рассмотрела капсулу. Вчера полностью оценить её оснащение она не успела. Сенсорная панель управления пестрила множеством кнопок. Различные провода, механизмы и рычажки свисали с потолка. Два одинаковых сиденья, управлять можно с любого. В хвостовой части за левым сиденьем Одина закрытый отсек, видимо багажное отделение. За правым – проход, откуда открывается люк основного выхода и дверь в багажник. В самом хвосте компьютер непонятного назначения. Под ним небольшая прозрачная колба с неясным фиолетовым содержимым. По объёму капсула была примерно с половину Катюшиного домика.

– Да тут жить можно! – восхитилась она.

– Что мне иногда и приходится делать.

– Так ты контрактник?

– Можно и так сказать, – ответил Один и завёл капсулу.

– И выгодно работать?

– Более чем. Теперь, когда большинство ведёт независимый образ жизни, приходится платить хорошо. Есть сферы деятельности, где без наёмных рабочих рук никак не обойтись, как-то надо заинтересовывать население.

ЛА плавно и быстро взлетала, открывая взору восхитительный вид. С высоты птичьего полёта будущий городок был как на ладони. Участки располагались хаотично. Видно было, что люди переезжали сюда без особых планов и цели. Просто потому что чувствовали, что здесь им будет лучше.

Катюша посмотрела вниз и задумчиво спросила:

– Время, которое ты тратишь, пока работаешь на кого-то… не лучше ли его потратить на себя? Ведь по закону Лайноса ты ничего не выигрываешь.

Один усмехнулся – типичное мышление фрилайфера.

– Так я и трачу его на себя. По этому же закону я ничего и не проигрываю. Мне нравится то, что я делаю, в этом и весь секрет. На самом деле не важно, кем быть: контрактником или фрилайфером, главное, чтобы это было интересно и материально оправдано. Смотри, ты собираешь растения, чтобы прокормиться, ну, и может быть, чтобы создать красоту в своём саду. Я собираю растения почти для того же самого плюс мне за это платят.

– А зачем это работодателю, платить тебе за то, что ты делаешь для себя?

– Мы занимаемся исследованиями, проект финансируется организацией.

– Ну, вот видишь. Просто так тебе бы не платили. Значит, будут отчёты, условия договора и прочие прелести.

– Более жёстких условий, чем у природы, не существует. Люди просто научились не нарушать договор с Землёй. Отчёты – это ерунда, когда всё налажено. Ведь и ты живёшь на «стартовый» капитал, а там свои отчёты – та же регистрация ДНК при рождении. Когда комитетские деньги закончатся, ты сможешь в этой зоне выжить, оставаясь фрилайфером?

– Думаю, что теперь смогу. Я два года путешествовала, почти ничего не делала, только тратила. В очередной раз взглянула на счёт и поняла, что такими темпами без поместья останусь, и тогда прямой путь или в контрактники или замуж. Или в отшельники, но это даже для меня перебор. Выбрала здесь участок… Поселенский взнос, постройка дома… Денег совсем мало осталось, но мне и вкладываться уже почти ни во что не надо. Дом готов, еду я себе выращу и соберу на зиму. В крайнем случае, можно чем-то помочь соседям, а они мне, или сдать урожай в Комитет.

– И в крайнем случае можно поехать на Юг или домой.

– Нет… не хочу. Меня здесь приняли так, как будто очень ждали. Не знаю почему.

– Они со всеми так, мало кто сюда едет, вот и рады каждому новому соседу.

– Мне очень дёшево дом построили. И сейчас постоянно то велосипед одалживают, то поесть приглашают. Один парень даже предлагал на аэроскутере саженцы мои возить.

– И ты от всего отказываешься?

– Почти всегда да.

– Вносят в кредитку?

– Нет, что ты! Это не те услуги, чтобы их считать. Любой нормальный человек сам потом отплатит добром тому, кто ему помог. Просто… Я пока могу что-то сделать сама, о помощи не прошу.

– Так всё-таки ты отшельник?

– Нет, я люблю людей, но и моя независимость мне очень дорога. Если мой сосед подвезёт меня на аэроскутере, то, когда он придёт на следующий день по какой-то незначительной причине, я должна хотя бы пообщаться с ним, угостить чаем или сделать что-то для него. А я не уверена, что у меня будет настроение с ним общаться.

– Может, тебе просто не нравится твой сосед?

– С чего ты решил?

– Вчера ты не отказала тебя подвезти.

– Вчера я устала, ты незнакомец, и… неважно.

Один улыбнулся, смотря вперёд. Катюша была рада, что он больше ничего не спрашивает. Не хотелось сейчас говорить о своём образе жизни.

Конечно, сосед красивый, заботливый, и руки золотые, но он постоянно нудил об отношениях и о том, что ей, Катюше, как бы пора подумать о будущем, чем очень напоминал родителей. Не хотелось ей думать о будущем. В настоящем хотелось жить, каждую секунду проживать. Один понравился ей сразу, почти с первого взгляда. С ним легко было.

– А куда мы направляемся? – спросила она.

– Исследовать бескрайние леса забытого Запада. Ты замечаешь понравившийся тебе вид, говоришь мне, если в нашей базе такого нет, то выходим, делаем фото, берём образец, кладём вон в тот цилиндр, – он указал на крутящийся парящий в воздухе прибор. – Он отправляет ДНК на базу. Достаточно одного листика. Потом для тебя накапываем столько, сколько тебе нужно, и летим дальше. Всё просто.

– Ты в каком-то НИИ работаешь?

– Можно и так сказать.

– А другие капсулы? – Катюша проводила взглядом пролетевшую мимо машину.

– Это коллеги. Чем больше найдём мы, тем меньше они, и тем больше я молодец. И ты тоже. Сегодняшний день я тебе оплачу в любом случае, независимо от того, что ты решишь дальше.

– Ты если мне растения привезёшь и посадить поможешь, уже достаточно будет.

– Нет, это так… по-дружески. Деньгами заплачу тоже, половину от стоимости своего рабочего дня. Сегодня о тебе в нашем… НИИ ничего не знают, поэтому заплачу из своего кармана. Мне это всё равно будет выгоднее, чем одному летать.

Катюша не стала расспрашивать подробности того, сколько платят, какой план и тому подобное. Её это мало интересовало. Первый раз она летела вот так, не в конкретный район для обучения, поездку куда оплачивает Комитет. Вид сверху, когда никуда не торопишься, завораживал.

– Один, мне как-то в полёте непривычно… Я так ничего не найду, – говорила она, глядя в окно.

– Сейчас снизимся. Вон карта, на экране. Та движущаяся точка – это мы. Если тебе захочется куда-то полететь в другое место, говори куда.

Катюша посмотрела на мерцающий экран. В некоторых местах квадратики были заштрихованы красным, что означало обследованную зону. Один попросил не особо обращать на это внимания, зоны вполне могли быть обследованы не полностью.

– А почему мне захочется полететь в другое место? – спросила Катюша.

– Ну, не знаю, потянет…

– Давай лучше выйдем, – предложила она.

Один начал спускаться. Приземлившись на небольшой полянке, открыл люк капсулы. Катюша выпрыгнула, скинула сарафан и бросила его внутрь машины со словами:

– Ты прав, так скакать весь день неудобно будет.

На этот раз восхитился Один. Вчера он видел её чумазую, разлохмаченную, всю исцарапанную растениями и покусанную насекомыми. Сейчас он удивлялся тому, как за одну ночь на ней не осталось ни следа вчерашних путешествий. Высокий рост, около 175 сантиметров, довольно округлые формы, идеально гладкая кожа, уже покрытая лёгким загаром, густые тёмно-каштановые волосы, заплетённые в косу ниже пояса. Большинство современных девушек выглядят почти также. Они могут быть чуть выше или ниже, худее или упитаннее, с разным цветом волос и глаз, но природа почти не создаёт болезненных изменений во внешности. В основном люди красивы, даже в старости. И, если позволяет погода и условия жизни, предпочитают минимум одежды. Подобных девушек Один видел много, и никто не вызывал такого потока непонятных эмоций, как сейчас. Катюша посмотрела на него. Глаза, с виду вполне обычные, были настолько глубокого серого цвета, что можно было утонуть, и хотелось утонуть…

– Один! Ты чего завис, как мой компьютер? – сказала Катюша, кивая на дешёвый комитетский серый диск коммуникатора на своей руке. – Ты идёшь?

– Да, да, иду! – ответил Один.

– Третий раз зову!

– Да я… задумался.

– А-а, понятно, бывает, – Катюша отвернулась, пряча довольный вид. Скорее всего, он наоборот, перестал думать в этот момент. Хотя бы в этом он ничем не отличался от других парней.

Она прошла вдоль полянки, остановилась у красивого пушистого куста и сказала:

– У меня такого нет, первый раз вижу.

– Такой точно есть у нас, вчера ребята нашли. Обратно пойдём, выкопаем, – он пошёл дальше. Катюша остановилась и сказала несколько виноватым тоном:

– Один, я не знаю, как притягивать растения.

– Просто не думай, гуляй по лесу, как ты обычно это делаешь.

– Ну, хорошо, попробую.

Им пришлось пройти довольно приличное расстояние. Не тянулись к Катюше неизвестные виды – то ли Один отвлекал её разговорами, то ли она ожидала от себя чего-то и не могла просто гулять по лесу. Через полтора километра пути он сам заметил цветок, которого в базе не было, но был родственный ему. День прошёл не зря, если никто из ребят не зарегистрирует его раньше, чем они доберутся до капсулы.

Он уже хотел вернуться, когда Катюша внезапно изменила направление и пошла не по протоптанной зверями и лесными гостями тропинке, а по бурелому.

– Кэт, ты куда? Может, вернёмся, боюсь, сейчас его кто-нибудь ещё найдёт, – сказал он, держа в руке лист от цветка.

– Мы быстро, – ответила она.

– Быстро через эти заросли?

Катюша не ответила. Совершенно не думая о том, что ветки царапаются, а на волосы липнет паутина, она пробиралась сквозь густые кусты. Один шёл за ней, потеряв всякую надежду

успеть зарегистрировать найденное растение. Вдруг они вышли на другую полянку, ещё меньшего размера, чем та, на которой они приземлились. По разнообразию произрастающих видов она значительно превосходила первую.

– Кэт! Как ты это делаешь?

– Не знаю. Ты сказал, ходи как обычно.

Не менее десяти различных растений, которых точно не было в базе, пёстрым ковром устилали полянку. И ещё столько же родственных. Сфотографировав их и сорвав по листику с каждого, Один сказал:

– А теперь бегом обратно! Потом подлетим и накопаем тебе столько, сколько хочешь.

Он посмотрел карту на проекторе своего коммуникатора, определил местоположение капсулы и побежал напрямую за красным голографическим лучом, который указывал направление. Катюша с трудом поспевала за ним.

Один открыл капсулу одним прикосновением к ней, запрыгнул на сиденье, бросил первый лист в цилиндр. Вывел фото растения на экран, включил что-то на панели управления, сказав:

– База, новая ДНК.

Проделал то же самое с остальными, повернулся к Катюше и сказал:

– Сейчас самое интересное начнётся. Из двадцати растений девять абсолютно новых, ещё шесть похожих, но тоже в базе нет! Почти двухнедельный план выполнен! Завистники оживятся. Вон, уже…

На экране начали появляться сообщения. Катюша их особо не читала, происходящее занимало её в целом. Заиграла какая-то старинная мелодия.

– Это звонок, – объяснил Один и щёлкнул пальцем по панели, – увлекаюсь историей…

– 3186, откуда такой улов? – спросил женский голос.

– Из леса, вестимо!

– Почему по рации не отвечаешь?

– Забыл включить.

– Ври мне! Опять что-то задумал! Включи быстро, это приказ!

– Хорошо, одну секунду… Всё, работает.

– И чтоб работало!

Один обратился к Катюше:

– Это с базы. Диспетчер.

В ту же секунду по рации раздались голоса. Все наперебой спрашивали то же самое, что и женщина-диспетчер. Один ответил:

– Ребята, вы серьёзно думаете, что я вам скажу? Совет могу дать: пробуйте нестандартный подход к поискам и перестаньте добровольно общаться со вторым сектором.

– Один, а что это за номера у вас, и на капсуле такой же, как она сказала? – спросила Катюша.

– Это типа позывных.

Звучало вполне правдоподобно, и она больше не расспрашивала. Саженцы сейчас были важнее.

– А ты обещал на полянку вернуться, – тихо сказала она.

– Конечно вернёмся! И на полянку, и куст тот выкопаем, и всё, что пожелаешь!

Катюша засмеялась при виде такой детской радости Одина. Они выкопали первый пушистый кустик, затем взлетели, и направились к маленькой полянке. По пути несколько раз зависали там, где нельзя было приземлиться, но можно было подлететь к земле настолько близко, чтобы выпрыгнуть и накопать примеченных ранее растений.

– Как же удобно всё-таки! Сама блуждала бы тут…

– Сама бы ты не ходила туда-сюда, копала бы сразу.

– ЛА всё запоминает?

– Да, запоминает весь маршрут, может проложить более быстрый к нужной точке. Она вообще многое умеет.

– Дорогой аппарат?

Один усмехнулся:

– НИИ оплачивает…

Когда они высадились на полянке, он прихватил из капсулы матово-чёрную бутылку с неясным содержимым. Откупорил её и начал пить.

– А что у тебя? – спросила Катюша, почувствовав жажду после пробежки по лесу. – Можно?

Она протянула руку к бутылке, но он не дал ей свой напиток.

– У тебя вроде вода была, лучше её возьми. Не пойми неправильно, я нежадный… Это… как бы лекарство.

– Ты болеешь? – удивилась Катюша, окинув взглядом внешне абсолютно здорового Одина. – И чем, если не секрет?

– Устаю быстро.

– А-а. Так это авитаминоз весенний. Если ты здесь давно живёшь, ничего удивительного. Ещё ничего не растёт съедобного. Вернее съедобное то растёт, просто невкусное. Но ты ешь всё равно. Вон та трава не противная на вкус, – она показала на густой зелёный пучок. – Я только этим и спасаюсь.

– Спасибо, но я уже как-то привык к своей бурде. Она хорошо… заряжает, но тебе не советую.

– Да я и не буду, – сказала Катюша и недоверчиво посмотрела на бутылочку.

Один допил содержимое бутылки, закинул её в капсулу, посмотрел под чёрную повязку на руке, взял лопату и сказал:

– Ну что, сколько тебе надо? Мне по одному достаточно.

– Ну и мне давай по одному, но не только новых. Всех, что тут есть.

– И вековые деревья копать?

– Копай! – ответила Катюша. – А тебе разве тоже живые растения нужны, не только ДНК?

– Мне для личных целей.

– Тоже сад красивый хочешь?

– Верно, хочу, – ответил он и с теплотой посмотрел на неё.

Глядя на то, как Один управляется с лопатой, Катюша начала сомневаться в том, что про вековые деревья он пошутил. Сама бы она потратила времени раз в десять больше и точно не увезла бы всё количество за один день. И вряд ли вообще оказалась бы на этой полянке. Судя по карте, они были очень далеко от дороги. Она ничего не сказала Одину, но для себя решила, что согласится на его предложение. Пока он работал, она поедала печенюшки и траву, на которую показывала Одину. И признавала, что хочет работать с ним не только из-за выгоды для себя. Несмотря на необщительный характер, с ним общаться хотелось.

Закинув в капсулу последний саженец, он обратился к ней:

– Ну что, летим в твой сад?

– А говоришь, устаёшь быстро…

Он протянул руку Катюше.

– Сила есть, ума не надо. Запрыгивай.

«Что-то не то, – думала Катюша. – А может он… Нет, это невозможно…»

Она устроилась на сиденье, Один что-то печатал на панели. Потом взял рацию:

– База!

– 31 86, слушаю.

– Я всё на сегодня.

– Очень хорошо, дай другим заработать.

– Письменные сообщения отправил.

– Да, уже прочла, спасибо. Завтра жду.

– До завтра.

Он обратился к Катюше:

– Пристегнись, полетим очень быстро.

Она нажала кнопку на подлокотнике. Мерцающее силовое поле голубоватого цвета окутало её.

– ЛА, гипер! – сказал Один и взялся за рычаг.

Вспыхнул яркий свет. Катюша открыла глаза и увидела, что они находятся почти у её участка. Сколько ей приходилось так летать, столько же, наверное, она и удивлялась мгновенному перемещению.

– Точно хорошо переносишь гиперскорость? – спросил Один, пристально глядя ей в глаза. – Зрачки слегка расширены, но это может от впечатлений.

– Сегодня весь день впечатляющий!

Один помог ей сойти. Катюша выпрыгнула и спросила:

– Не боишься за гипер на территории посёлка попасться?

– Штраф небольшой, выговор на базе правда крупный будет… Пока не попадался, – он посмотрел на дорогу, вздохнул и уточнил, – в этом посёлке. Опасности для людей это не представляет, если в заданной точке стоит человек, млекопитающее или птица, ЛА просто не переместится. В таких случаях обычно просто задаём те же координаты, но повыше. А вот подбегать к капсуле, пока видишь вспышку, не рекомендуется, но это адекватный человек делать не будет, животное тем более.

В это время мимо пролетал сосед на аэроскутере. Увидев незнакомый аппарат, приземлился и подошёл к Катюше.

– Привет, Катюха! Как столько растений дотащила?

– Привет, Вась. Мне помогли. Я занята немножко, давай потом поговорим.

Василий посмотрел на капсулу, ответил кивком головы на приветствие проходящего мимо Одина и уже тише спросил:

– Ты в курсе, кто тебе помог?

– Конечно в курсе, я с незнакомцами не летаю!

– Да ты и со знакомцами до этого не летала… – он разглядывал уходящего вглубь участка Одина с каким-то презрением.

– Вася, я понимаю твою заботу, но и ты пойми… Послушай, через несколько участков живёт Надежда, помоги ей. Она старше меня, ей помощь больше нужна.

– Она значительно старше тебя.

– Вот видишь, тем более.

– Ладно, Катюха, ты как всегда.

Василий пошёл к аэроскутеру, пару раз оглянулся на нового друга Катюши и улетел. В это время подошёл Один и спросил:

– Это кто?

– Зануда!

– Это я по твоему виду понял. О чём нудит?

– Сосед это, рядом прямо, Вася. Говорит, что мне помощник в хозяйстве нужен, одной тяжело жить. Надя уже одиннадцать лет тут живёт одна и ничего, справляется как-то. У неё муж умер, они любили друг друга очень. Сын примерно моего возраста, редко приезжает. Она говорит, что больше такого, как муж, не встретит, живёт одна. Она и сына здесь одна растила. Я когда приехала, он уже уехал.

– Понятно… Скажи Васе, что помощник по хозяйству у тебя уже есть. Может я конечно тоже зануда…

– Ну что ты! Ты… – она хотела сказать «удивительный», но замолчала.

– Что?

– Не знаю. Пойдём сажать.

За время посадки Один несколько раз минут на десять пропадал в капсуле. Когда всё было закончено, он, окинув взглядом сделанную работу, спросил:

– Ну как?

– Просто супер! Может тебе в твоём саду помочь? У меня времени теперь много, и я не устала.

– Нет, спасибо. Думаю, ты найдёшь, где устать. А лучше отдыхай, на пляж сходи, с соседями пообщайся. Спать ложись пораньше. Мне завтра заезжать или как?

– Да, да, я буду работать в вашем НИИ.

Странная улыбка появлялась всегда на лице Одина при слове НИИ.

– Ты в капсуле платье своё забыла, сходи возьми. Там открыто. Я тут побуду.

Катюша добежала до ЛА, запрыгнула внутрь. Её сарафан лежал на сиденье Одина. Она взяла его, машинально взглянула на работающий экран. Любопытство взяло верх, и оторвать взгляд не получилось.

Она увидела следующую запись:

16 мая

Универсал 3186:

База, прими запрос:

«Срочно нужен работник. Район: Запад. Требования: Человек, предпочтительно девушка; возраст: достигший совершеннолетия. Внешность и здоровье: стандарт. Обязательно: хорошая переносимость гиперскорости (аппарат типа ЛА), выносливость, возможность длительного отсутствия дома. Желательно: заинтересованность редкими видами и формами жизни, художественное восприятие, общая историческая грамотность, телепатические способности.

Обязанности: помощь в рабочих полётах, сбор и обработка материала.

Оплата: «комплект минимум» плюс возможность использовать капсулу ЛА с пилотом для собственных целей в свободное от работы время».

Просьба выделить средства на оплату.

База:

Запрос принят. Подходящих кандидатов нет.

P.S. Тридцать первый! Ты работать или жениться планируешь?

Универсал 3186:

База! Ты же знаешь, я не планирую, я импровизирую!

17 мая

База:

Подходящих кандидатов нет. Вероятность найти человека для работы по контракту в районе Запада близка к нулю. Можем предложить универсала. Или уберите район из запроса, договоритесь лично.

Универсал 3186:

Требуется именно человек. Район убрать не могу, нужен человек, которого не остановит этот факт. Прошу добавить «плюсики» от базы в оплату.

База:

Три ОДИН восемь шесть! В современном мире никакими плюсиками невозможно заманить людей туда, куда они не хотят. Только заинтересовать. Хорошо, доплату от базы обеспечим.

P.S. Все самые умные и красивые телепатки давно разобраны Советом!

18 мая

База:

Подходящих кандидатов нет.

Универсал 3186:

Как всегда, придётся проявлять инициативу.

P.S. Самые мудрые и способные телепатки едут на Забытый Запад!

База:

Тридцать первый! Инициатива наказуема!

P.S. Отец мой Макланус! Мне уже страшно! Удачи!

19 мая

Универсал 3186:

База, удали запрос. Работник найден.

База:

Запрос удалён. Просьба внести данные и в течение недели прибыть на базу для подтверждения личности. После на ваш счёт еженедельно будут перечисляться средства для расчёта с работником. Доплата от базы будет накапливаться на внутреннем счёте на случай непредвиденных обстоятельств.

P.S. Счастливчик, однако! С тебя подробности!

Универсал 3186:

Спасибо.

P.S. У-2469! Интересных для ВАС подробностей пока нет!

Не веря своим глазам, Катюша выпрыгнула из капсулы. Посмотрела на дисплей коммуникатора: 19 мая 439 (2771) года. Один подошёл к ней. Радости от количества найденных растений не осталось и следа. Он чего-то боялся.

– Так ты… робот?

– Всё прочитала? Забыл страницу закрыть. Универсальный симбиот – как нас назвал Макланус. Или как теперь говорят – просто универсал. Слово «робот» не совсем точно отражает сущность нашей расы.

– У меня были подозрения, но ты очень… живой. Почему сразу не сказал?

– Думал – это не имеет значения.

Он не знал, как сказать сразу, не знал, как она отреагирует. Те люди, которые относились к универсалам плохо, замечали разницу, даже не видя их глаз. Таких от выражения недовольства сдерживал закон, приравнивающий универсалов к людям. Основная масса населения относилась к ним нейтрально – результат пропаганды их незаменимости и некоторых обязательных лекций по истории. Кэт с Востока – района, почти не затронутого войной. Об изобретении Макланса там говорят мало, исторических мест, связанных с ними, нет. Их услугами пользуются редко. Если она прослушала только обязательные лекции, ничего удивительного в том, что она его не отличила от человека, нет. С другой стороны она провела с ним день, не обращая внимания на блеск глаз, постоянный отказ от обычной еды, странную бутылочку с фиолетовой жидкостью, которая «хорошо заряжает», усиливающийся запах металла при разряде, необычные физические способности, которые как не скрывай, всё равно бросаются в глаза. Это были хорошие знаки – просто нейтрального отношения со стороны Кэт Одину было мало.

Катюша опустила взгляд на его запястья, теперь не прикрытые повязками. Были видны отверстия, видимо для подсоединения различных устройств, а также дисплей с индикатором заряда. И заряд этот медленно снижался. Он волновался, эмоции забирали энергию.

– Возможно, ты будешь против продолжать общение…

– Я? Нет… Просто неожиданно как-то.

Она знала, что пойми всё изначально – была бы против. В курс обязательных лекций входили также законы Лайноса и история создания преобразователя, наглядно показывающая возможность двойственного использования любого изобретения. Как и все фрилайферы, Катюша осторожничала с любыми достижениями науки. После вместе проведённого с Одином дня что-то щёлкнуло в сознании, разрушив опасения и предрассудки. Он не просто достижение науки, не просто представитель равной по закону расы. Не просто носитель индивидуальности. Он живой.

– Ты на постскриптумы особо внимания не обращай. Только по делу общаться – кристаллы расплавятся, вот и переписываемся смеха ради. У нас тут дружный коллектив, развитые личности, одна большая семья. Тебе понравится.

– Одна большая семья… Прямо как у меня дома.

– У тебя много братьев и сестёр?

– Да, но дело не в них. Там весь район такой… Ступить негде.

– Ты ещё в курортных зонах не была! Вот где действительно ступить негде, и все, как одна семья. Когда ресурсов достаточно, и никто искусственно не создаёт иллюзию их нехватки, люди очень даже мирные существа.

– Мне тяжело так.

– Как? Мирно? – он приложил палец к губам, огляделся по сторонам и шёпотом произнёс. – Только никому, а то Последней войны всем хватило, одно неосторожное слово и наблюдение установят.

Катюша улыбнулась.

– Да нет, тяжело одной большой семьёй. У меня дома всё было. И какой вирус меня сюда дёрнул… Я себя там не могла найти, не знаю, как объяснить. Мне мало просто счастливо жить что ли… Опять чушь какую-то сказала… Возможности какого-либо проявления индивидуальности я там для себя не видела.

– Я понимаю, о чём ты. Любого всегда тянет к звёздам, у кого-то это больше выражено, у кого-то меньше, но даже самый ленивый, жующий на морском побережье бананы бездельник о чём-то мечтает. Это не только к людям относится.

– И к вам? У тебя тоже есть мечта?

– Поздно уже, давай в другой раз поговорим об этом. Сейчас настроения нет. Так что, мне прилетать завтра за тобой? Но предупреждаю, работы будет много. Правда и «минимум» от базы значительно выше реального.

– Я не привыкла бездельничать, да и бананы тут не растут, – ответила Катюша.

– Ну и замечательно! Я буду чуть раньше, капсулу на тебя настроим.

«У универсалов есть мечты, и может не быть настроения. Они умеют шутить и способны на дружбу. Определённо жить становится всё интереснее», – подумала Катюша.

Проводив взглядом взлетающую капсулу, она подошла к дому, села на крыльцо и задумалась. Ей приходилось и раньше видеть универсалов, но она никогда не вглядывалась им в глаза. Видимо, поэтому и не поняла сразу, что Один к ним относится. С детства учили, что эта раса во всём равна людям, что они совершили великий подвиг, устранили войну и продолжают помогать делать жизнь людей лучше. С другой стороны, частенько слышались разговоры о том, что равноправие с людьми – это перебор. Ей было всё равно. Она никогда не интересовалась подробностями жизни этих существ. Все занятия на эту тему, кроме обязательных, без прослушивания которых не выдали бы стартовые деньги на совершеннолетие, прогуливала, считая для себя бесполезными. Она относилась к ним со всем должным уважением и признавала их равенство, но ей всегда казалось, что это должно быть очень скучные существа: делают однообразную работу, ничего не чувствуют. Представляла их просто машинами, пусть развитыми и незаменимыми во время войны, но всё же машинами. Пообщавшись с Одином, она поняла, что это далеко не так. Этот универсал за один день вызвал в ней столько эмоций,

сколько не вызывал никто другой за большее количество времени. И было ещё какое-то новое для Катюши чувство, очень похожее на простое физическое влечение, но сложнее, гораздо сложнее.

3

…И тут началась жизнь, отражающая мою истинную сущность…
Из дневника Екатерины Александровой

Утром Один, как и обещал, прилетел пораньше. Катюша приложила руку к сканеру, после чего Один отправил данные на базу, а заодно дал ей доступ к капсуле.

– Теперь она будет слушаться твоих команд также как и моих, единственное, пока мы летим вместе, у меня преимущество, то есть если ты задашь ей скорость 100 км, а я тут же скажу 105, то полетит она со скоростью 105.

– А если я опять скажу 100 км?

– Ты прямо мысли мои читаешь! – засмеялся Один. – Думаю, ты не будешь заниматься такой ерундой, но на всякий случай – пока я в капсуле и не разряжен, слушаться твоих голосовых приказов она не будет. В ближайшие дни научу тебя управлять ЛА. А сейчас полетим на базу, чтоб денежки сразу перечислять начали. Там то же самое, подтверждение ДНК, небольшой инструктаж и свободны – всё быстро.

– Далеко лететь?

– Кэт! Это ЛА-5, она не знает, что такое далеко! Но если решишь прогуляться до базы пешком, то где-то как до заброшенной столицы идти, только чуть восточнее.

– Так это рядом совсем!

– Там и поезд недалеко проходит, но, думаю, тебе не понадобится туда добираться такими способами. На гипер переходить не буду, так что запоминай дорогу. На всякий случай.

Универсальская база производила величественное впечатление. Это была огромная территория, огороженная со всех сторон высоченным забором. Стояло несколько зданий. Каждое с три этажа высотой. Каждый этаж с два обычных. Один замечал, какие восхищённые взгляды Катюша бросает на огромные ангары. Он провёл её к тому зданию, где были окна. Внутри помещения было тоже очень просторно. С основного коридора шли проходы в разные стороны с номерами секторов.

– Там гараж, там лаборатории, там восстановительные сектора, – Один показывал всё Катюше, как-то немного хвастаясь, – там кафешка, для людей. Позже можно заглянуть. Готовят какой-то силос, но рабочие едят, сам видел. То ли вкусно, то ли бесплатно, не знаю.

– У вас тут люди работают?

– Да, в основном в лаборатории, ну и в управлении есть парочка. Доктор есть один противный-препротивный, не знаю, кого он тут лечит.

– А что, некого?

– Вон там наше лечение, – ответил он, показывая на сектора, где размещались камеры восстановления и для капсул и для универсалов. – И лечение, и питание, и сон и что там ещё нужно… для жизни. Люди после работы в основном по домам разбредаются, а универсалы многие на базе живут. Так выгоднее.

– А ты что тут не живёшь?

– Не хочу…

Катюша обратила внимание на удивлённые взгляды мужчин и женщин, здоровающихся с Одином. Все они, совершенно разные внешне, были молоды и красивы. И многим наверняка было уже больше сотни лет. Внезапно она услышала явно адресованные ей слова:

– О, Рыжая, привет! Ты что, перекрасилась?

Она обернулась, увидев незнакомого парня, недоуменно на него посмотрела.

– Извиняюсь, обознался, – сказал он.

– У-5885, займись работой! – сказал Один.

– Рыжая? – переспросила Катюша.

– А, сейчас познакомлю. Вы просто похожи с ней… сзади. А наш 5885-й смотрит всегда на то, что сзади. Местный ловелас, что странно для универсала. Видимо, экспериментальная модель. Но вообще он мирный. Прошу, – сказал Один, открывая дверь в сектор №3.

Катюша зашла в просторный пустой зал. Лишь в самом углу, напротив окна располагался компьютер с несколькими огромными экранами. Это было похоже на панель управления капсулой, только больше раза в два. Рядом находилась небольшая камера восстановления и непонятная штуковина, похожая на кофемашину. Возле неё лежали бутылочки, обычные пустые бутылочки из композита, как для воды, только непрозрачные. Из такой Один и пил в лесу заряжающую жидкость.

Из-за кресла торчала рыжая голова. Кресло развернулось, и Катюша увидела обладательницу этой головы. Не восхититься, увидев её, было невозможно. Если природа всегда добавляет во внешность какую-то изюминку, то тут она явно забыла это сделать. Катюша увидела само совершенство. Несмотря на рыжий цвет волос, на белоснежном лице не было ни одной веснушки. Огромные зелёные глаза с присущим универсалам блеском, делающим их ещё прекраснее, внимательно разглядывали Катюшу. Рыжая встала и с приветливой улыбкой подошла к ним.

– Добро пожаловать! У-2469, главный диспетчер этой базы, – представилась она чарующим голосом.

– Екатерина, – ответила Катюша.

– Замечательно! Пойдём, – она развернулась к компьютеру. – Один, а ты разбираешься в людях.

– Рыжик, просто быстренько зарегистрируй её и всё, – сказал Один.

– Что это ты не в настроении? Всего лишь хотела отметить, что у тебя красивая помощница.

– Спасибо, – сказала Катюша. – А вы… изумительны!

– И тебе спасибо. Видишь, твоя напарница оказалась более приветлива!

Обе девушки были очень похожи друг на друга. Катюшу вполне можно было принять за универсала. Высокий рост, совершенная фигура, правильные черты лица. Лишь глаза без странного неестественного блеска выдавали принадлежность к человеческой расе. Даже черты лица обеих были чем-то похожи. У обеих длинные густые волосы, только у Катюши тёмно-каштановые, а у Рыжей – рыжие, даже огненно рыжие, и пышные, наподобие гривы льва. Единственное – в Катюше сквозила какая-то незаконченность, может, несколько детский ещё взгляд, но это её нисколько не портило.

– Приложи сюда руку, – попросила Рыжая, показывая на сканер ДНК. – Ты же есть в базе?

– Да, конечно.

– Просто не все люди заносят свои данные, – пояснила Рыжая.

– В основном заносят, – сказал Один.

– А почему не все? – спросила Катюша.

– У некоторых остались старые убеждения, например, у ведущих образ жизни, как у диких племён времён Лайноса, отшельников, независимых диких фрилайферов из заповедных зон и различных других групп, – ответил Один.

– Это же очень неудобно, – сказала Катя.

– Неудобно в основном потому, что многие вещи, которые оплачивает Комитет, невозможно приобрести. Социальное обслуживание, обучающие поездки, образовательный комплект, личный компьютер, комплект «старт», деньги за рождение детей, да и много чего ещё. Но если это им не нужно, то и заноситься в базу они смысла не видят, – объяснил Один.

– С Востока? – спросила Рыжая, глядя на экран, на котором Катюша не видела ничего, кроме абстрактных узоров. – Сюда-то как занесло?

– Поездом.

– Понятно… Ещё раз, как тебя зовут?

– Екатерина… Александрова.

– Фамилия не обязательна. С появлением всемирной базы ДНК фамилии носят лишь традиционный характер, – сказала Рыжая.

– Так и имя скоро будет не обязательно, – обиженно проговорила Катюша. – Номера будут, как у вас.

– Ты права – в базе ДНК у каждого свой номер, – ухмыльнулась Рыжая. – Он же – твой номер счёта и телефона. И уже после него все остальные данные, если таковые имеются. Но мне то тебя как-то называть надо. Будешь Кэт 3186. Это означает лишь принадлежность к экипажу, больше ничего, – сказала У-2469, быстро перебирая в пространстве пальцами.

Катюша заворожено следила за мелькающими ярко-красными, как капельки крови, длинными ногтями.

– На Востоке у всех есть фамилии, – сказала она. Видно её это как-то задело.

– Коммуникатор тоже у всех, думаю, есть? – обернулась Рыжая.

– Да.

– Давай сюда. Сразу всё с него нужное скину, чтоб не спрашивать.

Катюша сняла с руки коммуникатор, служащий и средством связи, и часами, и книгой, и выходом во всемирную сеть, и кошельком и много чем ещё.

– Я тебе скину пару страниц… Там всякие правила, обязанности членов экипажа, для людей, для универсалов… Прочти это всё, потом отправишь мне сообщение, что всё понятно. Если что будет непонятно, я объясню. Вообще, полагается сейчас, но чтоб вас и себя не задерживать, так зарегистрирую. Ты же прочтёшь?

– Да, конечно.

– Ну и замечательно. Держи, – она протянула ей обратно серый диск пяти сантиметров в диаметре. – Модель не супер. Всё плохо на Востоке?

Она что, издевается? Конечно, здесь на столе лежит метровая махина! От неё огромный голографический экран. Да ещё какие-то допотопные компьютеры с кнопками, стеклянными экранами и проводами. У самих универсалов на руках какие-то чёрные коробочки, вмещающие в себя гораздо больше функций, чем её серый кружочек. У неё бесплатный коммуникатор от Комитета, выдаваемый с того возраста, когда ребёнок начинает самостоятельно покидать территорию поместья, лет с пяти- семи. Катюше дали в четыре, она любила сбегать в лес. С тех пор нового у неё не было. Две кнопки. Зелёная – меню, красная —тревожная. Количество пунктов в меню растёт с потребностями взрослеющего гражданина. Вторая кнопка первые несколько лет настроена на родительские компьютеры, чтобы зря не дёргать спасательные бригады, пока ребёнок не поймёт, что нажимать её просто так нельзя. Финансовые операции проходили только при контакте с кожей владельца, что делало невозможным кражу денег при возможной потере. Компьютер был надёжный, но слабенький. Впрочем, для жизни фрилайфера такого вполне хватало. Катюша обиженно ответила:

– Там больше не надо. Связь есть и ладно.

– Ничего, здесь хорошо платят. Приобретёшь получше. Пару слов о доплате скажу. Этого своего рода страховка от Сообщества универсалов, если вдруг тебе срочно нужна будет огромная сумма. Серьёзная болезнь, несчастный случай, как с тобой, так и с родственниками. Личный проект, требующий денег, или обучение на любом континенте, хотя это если база одобрит. Чем больше срок контракта, тем она выше. После окончания контракта ты можешь забрать эти деньги и использовать по своему усмотрению, например, приобрести капсулу, или бездельничать несколько лет. Если же решишь покинуть нас раньше, деньги с внутреннего счёта отпра-

вятся обратно в Сообщество, за исключением, разве что, рождения детей, хотя даже в этом случае нет надобности расторгать контракт. У нас полно мест, где можно работать с ребёнком.

– Шикарные условия тут у вас, – сказала Катюша. При работе на Комитет ни о какой доплате и мечтать бы не пришлось.

– Вполне обычные условия, рекомендованные, кстати, по всему Земному шару. Я ещё не все нюансы тебе сказала о доплате от базы, там много «плюсиков». Сообщество связывает с западной базой свои последние надежды, – Рыжая усмехнулась и продолжила. – Деньги будут еженедельно приходить на счёт Одина. После сорока дней испытательного срока деньги будут приходить на твой счёт, и ты становишься полноправным членом экипажа. Один тебя всему научит. Выходные бери в любое время на любой срок, в пределах разумного, конечно, то есть не дольше самого контракта. Они не оплачиваются и не считаются. Контракт считается завершённым при полной отработке всех дней. Доплата увеличивается пропорционально сроку контракта. Минимальный срок – четыре месяца. Оплата – день, доплата – треть дня.

– Давай на год, считать удобно, – сказала Катюша и про себя обрадовалась. День и день на внутреннем счёте – всего через год будет приличная сумма.

День – комплект минимум. Можно полностью жить целый день. Средняя потребность в пище, одежде, воде, тепле. Средняя по населению Земли, учитывая контрактников, чьи условия жизни часто далеки от идеальных. А если ты остаёшься в своих обычных условиях поселения, то деньги тратить на жизнеобеспечение не придётся.

– Год так год… Ты сохраняешь статус фрилайфера, все льготы и поддержку от Комитета. От себя обещаю помощь по любому вопросу. Если надо, пользуйся компьютером капсулы или сюда забегай. У меня в архивы доступ есть. С двадцатого века. Это, конечно, на любителя. Один у нас любитель истории, часто заходит. И в гараже у него хороший компьютер. Один, ты девушку в гараж приглашал уже?

– Рыжуль, ты всё? Мы можем идти? – спросил он.

– Идите. Кэт, если что, обращайся, а то У-3186 бывает слишком серьёзным. Удачи вам.

– Хорошо. До встречи, – попрощалась Катюша.

– Пока Рыжик, спасибо, – сказал Один, стараясь быстрее покинуть помещение.

Когда он уже почти вышел, У-2469 окликнула его:

– Один! Просто супер!

– Рыжая бестия! – сказал он и закрыл дверь.

Они зашли в кафе базы. Один нашёл под столом зарядный провод, вытянул его и вставил себе в запястье. Катюша взяла с транспортёра миску с непонятной зелёной массой и с осторожностью начала есть. Вид у неё был хмурый.

– «Съедобно и удобно!» – она прочла светящееся на самом углу стола меню. Состояло оно из двух блюд: зелёный салат и фруктовый коктейль. – «Гринфуд – полноценная еда для хорошего дня! Необходимый набор жизненно важных элементов…» А ну его! Ещё бы формулы написали!

Один сдвинул окошечко экрана, засветились формулы. Катюшу это развеселило.

– Представляю, как сюда приходят люди в том голоднющем состоянии, что я по вечерам и решают почитать формулы!

– Из лаборатории читают. Ещё обсуждают громко-кромко. Им так вкуснее.

– Кстати для гринфуда вполне прилично. Мне нравится. Третий раз в жизни такое ем, и то, что пробовала раньше, действительно был силос.

– Ну как тебе наш секретарь? – спросил Один, видя что с тень недовольства не сползает с Катюшиного лица.

– Вредина!

– Да, есть такое. Говорит, что думает. Вообще она хорошая.

– Хорошая вредина!

– Не обижайся, я её давно знаю. Надёжнее я пока не встречал никого.

– Чего она докопалась до фамилии, откуда я приехала, даже до моего компьютера? Люди давно отказались от излишеств.

– Кэтти, она не докапывалась. Понимаешь, она тебя регистрирует, у неё какие-либо факты высвечиваются. Она их анализирует. У универсалов фразы всплывают, как мысли у людей. Ты сказала фамилию, она тебе и выдала то, что выдаст поисковик первой строкой при запросе «фамилия». От кого хоть, от папы или от мамы?

– От папы… – Катюша с трудом проглотила последнюю водоросль. Блюдо было в самом деле очень полноценным. – Нет, она продумывает, что сказать, по глазам видно.

– Тебе что-то видно по глазам универсала? – Один явно удивился.

– Да, как и у людей. Блестят они у вас, но это не мешает видеть душу.

– Просто считается, что у людей глаза – это зеркало души, а у нас душа то есть, а вот зеркало не особо отражает.

Он отстегнул зарядник, поставил миску на обратный транспортёр, и они вышли.

– Просто мало кто всматривается. Рыжик твой либо что-то прячет, либо не знаю… вредина, – проворчала Катюша.

– Все мы что-то прячем, – философски произнёс Один.

– Я – нет!

«Рыжая права, просто супер, и я везунчик», – Один шёл рядом с Кэт, улыбаясь чему-то, ещё пока не понятно чему.

Летать на ЛА было одно удовольствие. Катюша довольно быстро освоилась и видела растения с высоты, вернее чувствовала, куда надо лететь и где лучше высаживаться. План для их экипажа удвоили: два растения в день, лишние оплачивались дополнительно. Три родственных вида приравнивались к двум новым. Неудачные дни не оплачивались, но у них таких дней не было: пять-шесть растений они находили стабильно. Также доплачивали за найденные тайники древних жителей, интересные записи, неисследованные места силы, аномальные зоны. Такие находки были не редкостью.

В одной из аномальных зон удалось побывать на первой же неделе работы. ЛА зависла над лесным озером, приземлиться было негде – вокруг росли высокие деревья. Их корни торчали из обрыва по всему периметру озера и свисали над водой. Вода, на удивление, была кристально прозрачная.

– Да, сколько летал мимо и не замечал, – сказал Один. – И никто не замечал. Три стандартных рабочих дня, если исходить из плана по цветочкам. А если ещё и цветочки добыть…

Он летал вдоль берега озера, фотографируя его, потом заносил в компьютер координаты.

– Кэт, я опущусь пониже, пробирку водой наполни.

Капсула зависла почти у самой поверхности. Катюша зачерпнула воды и протянула пробирку Одину.

– Жутко холодная! Так странно…

– И вправду… 8 градусов у поверхности, представляю, что на дне. И чистая до безобразия. Похоже, на дне источник. Садись, сейчас нырять будем.

Он закрыл люк капсулы и скомандовал:

– ЛА, подводный режим.

Капсула нырнула. Вопреки их ожиданиям, озеро не было бездонным. Четырнадцать метров в самом глубоком месте. Похоже, образовалось совсем недавно, лет пятьдесят-семьдесят назад. На дне и в самом деле была воронка, откуда бил подземный ключ. Сфотографировали дно и всё, что можно было сфотографировать. Один хотел при помощи внешнего манипулятора набрать воды у источника и сорвать водоросли удивительной расцветки. Пока они кружили над озером, им вообще показалось, что это цветы. В этот момент капсула замигала аварийным светом и перестала слушаться.

– ЛА, почему внешние манипуляторы не работают? – спросил Один.

Электронный мелодичный голос ответил:

– Очень низкая температура, капсула переведена на экономный режим. Рекомендуемое время пребывания – не более десяти минут, дальше возможны поломки и как следствие – полный разряд пилота.

– Придётся выныривать… Надо было сразу растения рвать, пока ЛА не замёрзла.

Капсула вынырнула на поверхность. Один открыл люк и с печалью посмотрел на водоросли сквозь толщу воды.

– Придётся завтра прилетать. Хотя, наверное, уже поздно будет. Я неосмотрительно отправил на базу координаты, эти водоросли зарегистрируют уже сегодня. Что ж… всех денег не заработаешь.

– А сегодня попозже нельзя, ну, когда ЛА согреется.

– Нет, ей на восстановление надо, так она не согреется. Завтра прилетим, выкопаем пару растений, чисто для моих целей, интересный вид.

– И мне бы такие… только пруда пока нет.

– Пруд сделаем, Кэт, не переживай. Всё никак не выкрою пару часов для тебя.

– А если нырнуть за ними? Хотя бы для ДНК, чтоб не опередил никто, а выкопаем завтра.

– В принципе можно. Температура смущает… Бывал я в подобных местечках, обязательно какую-нибудь пакость скрывают. Заряда 43%, вроде хватает. Нет, не надо, задержусь ещё там. Я себя знаю – увижу рыбку интересную… А потом не ЛА, не ты меня оттуда не достанете, – он был весь в сомнениях. Компьютер просчитывал риски. – И коктейлей не осталось… У внешнего провода длины не хватит… Да и заряжаться от ЛА сейчас – только машину портить. Или рискнуть? Прямо не знаю!

– Да я не о тебе. До них метров девять всего.

– Даже не думай!

– Один! Я очень хорошо плаваю, – с этими словами она выпрыгнула в открытый люк капсулы.

– Кэт! – крикнул он и, глядя, как она плывёт ко дну, тихо добавил. – Вернись немедленно, это приказ… Чокнутая! И ведь это здорово…

Он смотрел на плывущую ко дну Катюшу и был готов в любой момент нырнуть за ней. Меньше, чем через полминуты, она вынырнула, держа в руке пучок сорванных водорослей. Один помог ей забраться обратно и сказал:

– Второй пилот, вы покинули капсулу без разрешения, я вынужден вас оштрафовать.

– Штрафуй! Главное, что растение у нас.

– Вы оштрафованы на всё оставшееся время полёта – запрет на любую деятельность. Разрешаю только сидеть под одеялом и пить чай… которого у меня нет.

Он достал серое пушистое одеяло из непонятного материала и накинул на Катюшу.

– Да ладно, так согреюсь, но с пробирками нырять второй раз не буду.

– А собиралась?

– Поначалу было такое желание, а теперь почему то нет. Там на дне такое ощущение, что в снегу купаешься.

– Ты в снегу купаешься?

– Бывает, под настроение. Только снег пушистый и с дырочками, а вода сплошная… мокрая и холодная! – сказала Катюша, стуча зубами и заворачиваясь в пушистое одеяло времён Ликвидации.

– Пробирки завтра наберём. Все согреемся, зарядимся и прилетим… Коктейлей возьму побольше, на всякий случай. У меня будет к тебе одна просьба. Ты можешь взять на себя эту обязанность – следить за зарядом, аккумуляторами – это коктейли, и их наличием и готовить

их, естественно, только в рабочее время? Честно, так задолбался за всю жизнь, а она у меня долгая.

– Хорошо, покажи как, только не сейчас. Когда согреюсь.

– Всё просто: кидаешь все ингредиенты в машинку, через некоторое время бутылки наполняются. На день желательно иметь минимум три, лучше штук семь. Бывает, выходим надолго, и условия разные. Есть аномальные зоны и другие места, где заряд расходуется очень быстро. Хранятся они сутки, потом можно опять пропустить через машинку тот же коктейль, но лучше сделать новый. Потому нет смысла запасать их много. Хранились бы они подольше, я бы день потратил и наготовил бы их на неделю, чтоб не думать уже. Сырьё подходит любое, особых требований нет.

– Почему вы так боитесь полного разряда? Ты же говорил, что ЛА в таком случае сигнал отправит на базу. Ну разрядился, ну прилетят друзья, зарядят.

– Мы не совсем компьютеры всё же. Есть микрокапсула с первичной программой, основной задачей, для которой создавался каждый. Есть мозг – основная система – очень сходный по строению с человеческим и выполняющий почти те же функции. Состоит из особых кристаллов. Каркас – заменяет скелет, мышцы и многие органы. Ещё биологическая часть – внешность и некоторые органы, в частности кожа, и небольшое количество живых клеток мозга, соединённых с микрокапсулой. Соединительная жидкая система, своеобразный электролит, связывает биологическую часть и механическую в одно целое. Целое и неделимое. При разряде деятельность мозга приостанавливается, биологическая часть перестаёт сопротивляться неблагоприятным условиям, это может привести к сбою в программах, образно говоря к сумасшествию. Всё зависит от того, насколько долго универсал остаётся разряженным и внешних условий. Брось разряженного универсала в воду, пролежи он там около часа – 99% того, что слетит основная система. Брось в огонь – сгорит биологическое тело и повредится каркас. И то и то можно восстановить, но это будет уже другой индивидуум.

– Душа успеет смыться из непригодного для жизни организма.

– Да, образно говоря. А улавливать индивидуальность мы пока не умеем. Мозг – всего лишь инструмент, позволяющий душе проявить себя. Так что всё зависит от терпения души. Насколько она у меня терпеливая, проверять не хочется. И судя по полным разрядам, случающимся со мной в военное время, не очень. Бывает, откроешь глаза и совсем неадекватные вещи делаешь. Как будто индивидуальность моя вернулась из очень далёкого полёта и как пользоваться этим мозгом, давно забыла.

– Да-а… Сложно!

– Люди на самом деле сложнее устроены и менее предсказуемы, чем мы. Нас сильно упростили, чтоб чувства не мешали работать.

– Вы ничего не чувствуете?

– Чувствуем, особенно такие, как я, отказывающиеся от форматирования. Но чувства эти легко поддаются контролю. Если конечно не происходит ничего, способствующего тому, что с катушек слетаешь, стрессов. Полный разряд один из таких стрессов.

– А ещё что?

– События и задачи, требующие установки новых программ. После установки спектр ощущений резко увеличивается и требуется какое-то время, чтобы привыкнуть и научится контролировать новые чувства.

– Всё-таки сложно…

– Летим домой? Ты сегодня сделала больше чем много, отпускаю тебя раньше.

– Да, полетели. Хорошее одеяло, быстро согрелась.

– С военных времён осталось. Столько жизней помогло спасти… Сейчас такое уже и не делают.

– Так дымка всё заменила и эта чёрная фигня, которую Комитет выдаёт в неограниченном количестве!

– А чего там ограничивать, она не вынашивается почти. Раз выдал, и больше не требуют.

– Дымка тоже не вынашивается. Стоит только дорого. Мечта моя!

– Скоро деньги перечислят, трать как хочешь. На зиму я тебе помогу запасы создать. Так что твоё потерянное со мной время окупится вдвойне. И вообще, если что надо, ты проси.

Катюша сняла с себя одеяло, отдала его Одину.

– Чёрная фигня высохла? – улыбаясь, спросил он и провёл по её спине, трогая майку.

– Почти, – ответила она, чувствуя, что согласна была бы ещё раз нырнуть в ледяную воду, чтобы снова ощутить его прикосновение.

4

…Когда же я всё-таки её полюбил… Да ещё до того, как первый раз увидел. А когда увидел, не сразу понял, что это она…
Универсал-3186, «Полянка жёлтых роз»

Показатели Одина за последние две недели значительно превышали показатели других экипажей. К его удивлению Катюша совершенно не видела в этом что-то необычное и не пыталась разобраться со своим даром. Она говорила, что слышит от других растений, куда лететь, как в детской игре «тепло-холодно», только не словами, а ощущениями. И если Один хотя бы понимал, в чём дело, то у других универсалов его успех вызывал некоторое замешательство. То, что дело в Кэт, никто не сомневался, но никто не мог понять причины. Телепатия в любых видах для универсалов была невозможна. Наделить искусственный разум способностью работать на таких частотах невозможно. Поэтому многие не задумывались, что для людей экстрасенсорные способности – не просто красивая теория, а вполне обычное явление и списывали всё на простое везение или естественные для фрилайфера знания о природе леса.

– И чего это они тут разлетались, Один, ты не знаешь? – спросила Катюша, глядя в окно капсулы на другие такие же корабли.

– Это наши. От меня данные о растениях в базу поступают, у них автоматически высвечиваются. Вот и слетелись, как мухи на… варенье. Вот только у меня преимущество.

– Какое?

– Ты, Кэт. Есть экипажи, работающие в паре, в основном с другими универсалами. На соседних базах есть смешанные экипажи, но вряд ли их напарник – телепат. Так что мы единственные такие.

– Я на тебя и ЛА смотрю и кажется, что у вас тоже телепатическая связь.

Один рассмеялся.

– Обычная беспроводная сеть, компьютер-компьютер.

– Так и здесь так же – обычная беспроводная сеть… А есть капсулы, владельцами которых являются люди?

– Есть, конечно. Миллионеры с причудами, успевшие во времена Становления нахватать остатки прошлых ценностей. Власти их владения им не дают, власть сегодня без статуса учёного никакие деньги не принесут, но Комитет не раскулачивает их. Даже не даёт разориться, часто использует их дворцы и замки как школьные музеи. Вот гипер и помогает чудикам успевать хотя бы осматривать всё своё имущество. Есть более простые модели капсул, но всё равно это для состоятельных. На Севере ещё много ЛА, управляемых людьми, там они в основном в аренде, даются на время контракта, если работа того требует. Конечно, её можно выкупить, её даже вполне реально выкупить, отработав пару лет, но в дальнейшем она очень дорогая в обслуживании. Для универсала капсула жизненно необходимая вещь, и у нас очень, очень большие льготы по обслуживанию. И даётся она бесплатно, при рождении, то есть при сборке.

– По бывшей столице много универсалов пешком ходит. Капсула не всем даётся при сборке?

– Всем. Просто там, где работа не связана с частыми перемещениями на большие расстояния, строится корпус на нужное количество рабочих. В таких корпусах есть всё необходимое для жизнеобеспечения универсалов. Получается маленькая база, ну, или большая капсула. По окончании работ её можно переместить на другое место. Намного выгоднее поставить корпус на десять единиц, чем каждый день гонять десять отдельных машин. Индивидуальные капсулы в это время находятся в гараже, на восстановлении или просто пылятся на базе, у кого как, короче. Любой универсал может в любое время, если контракт позволяет, взять свою капсулу

и лететь, куда душа пожелает. Универсал с капсулой как комитетский фрилайфер, минимум должен быть обеспечен. Без капсулы нам не выжить, потому Сообщество обязано предоставить её при сборке. Иначе так называемое равенство в правах между людьми и универсалами было бы вообще пустым звуком.

– И часто универсалы вот так просто берут капсулу и летят, куда душа пожелает?

– Я таких не встречал. Летают, но в свободное время. Контракт с какой-либо базой есть у всех. График может быть достаточно гибкий, как у меня, но все мы так или иначе работаем на Сообщество. У меня просто нет жёстких сроков.

– Универсал даже с капсулой без базы не выживет? Поэтому вы все работаете?

– Не совсем. Грамотный универсал с качественным программным обеспечением выживет. Не в этом дело. Просто это довольно сомнительная свобода – постоянно оглядываться на счётчики. Тут я знаю, что замёрзни моя ЛА, как тогда, я в гараж прилечу, камеру включу и на следующий день машина как новенькая. Накрутит генератор при восстановлении много, отработаю. Нужны деньги для своего… хобби, к Рыжику обращусь, моську сострою, и база кредит одобрит, потом опять отработаю. А так… что я в лесу забыл, по которому даже пешком прогуляться не смогу без рюкзака с коктейлями. Это с тобой он разговаривает, а при мне молчит, – он с улыбкой посмотрел на Катюшу. – Да и не пристало роботу без дела по лесу болтаться.

– Один! Притормози! – закричала Катюша. – Через триста метров остановись. Справа, в шести метрах от рельс, видишь?

– Полянка жёлтых роз? Вижу, – равнодушно произнёс Один.

– Нет, это не они, похожи, но не они! Новый вид, даже не родственный тому.

– Очередная разновидность жёлтых роз? Уже четвёртая. Ты уверенна?

– Абсолютно! – она тоже втянулась в это соревнование по поиску растений.

Затрещала рация:

– Тридцать первый, это моя добыча!

Катюша выглянула в люк. В трёх километрах со стороны юго-востока над лесом летела ЛА-7.

– Один, там конкурент спешит.

– Это Восьмисотый, друг мой хитрозадый, всюду за нами летает. При переходе на гиперрежим семёрки тормозят. Успеем!

– Восьмисотый! Перебьёшься! – крикнул Один в рацию.

– Тридцать первый! Поезд! Спокойно приземляйся и наблюдай, как я собираю букет. Тебе же давно предлагали переоборудовать капсулу.

– Вирус его побери! Универсалам и в капсуле и без нахождение в зоне действия барьера запрещено. А у этого формата дублёр есть.

Железнодорожные пути огораживались только вдоль станций и в населённых пунктах. На остальных территориях невидимое силовое поле распространялось от идущего поезда на километр вперёд и на десять метров в стороны. Вызывало неуправляемый страх у животных и людей, они разбегались, что спасало им жизни. Побочным эффектом были сбои в работе искусственного интеллекта универсалов и нескольких важнейших систем капсул. В то же время простые устройства могли спокойно в нём работать.

– Универсалам запрещено, а людям всего лишь не рекомендуется. Кэт! Маленький цветочек, как образец, только внести ДНК в базу! Накопаем потом.

– Один! Мне страшно! – выпрыгивая из капсулы, прокричала она. – А я ещё даже не там!

– Барьер опасен только при близком источнике излучения. Поезд далеко, ты успеваешь, поверь мне!

Катюша запомнила эти секунды как в замедленной съёмке. Как приземлилась на первой секунде, на второй пересекла границу барьера, на третьей краем глаза заметила вспышку

переходящего в гиперрежим аппарата Восьмисотого и ощутила волну мгновенно оказавшейся рядом чужой капсулы, на четвёртой дублёр ворвался в зону действия барьера. Она в этот момент сорвала цветок. Небольшой, похожий на медузу, летающий механизм отражал все пожелания своего хозяина. Главное, успеть раньше него добраться до капсулы! Поезд был уже близко, и страх стал таким, что контролировать себя и соображать что-то было уже невозможно. Осталось одно желание – бежать! Быстрее и дальше. И она побежала. И бежала бы очень долго, если бы Один не перехватил её и не затащил в капсулу. Она оказалась внутри ЛА-5, когда поезд проносился мимо. Обычное восприятие времени вернулось быстро, и, как передавала цветок Одину, она не помнила. Лишь привычные слова: «База, новая ДНК» привели её в чувство.

– Тридцать первый, у тебя основная система заглючила?! – затрещал голос не успевшего конкурента. – Ты понимаешь, чем это светит тебе? Видео у меня есть.

– Конечно понимаю! Ничем! – ответил Один.

– Дай-ка сюда, – сказала Катюша, беря у Одина рацию.

Она достаточно быстро пришла в себя и уверенно проговорила.

– Говорит Кэт 3186. Уважаемый коллега, мы ничего не нарушили. А вот вы мало того, что вышли из гиперрежима в нескольких метрах от человека, так ещё и снимали бегающую по лесу женщину без её согласия, так что лучше оставьте своё видео себе на память. Так уж и быть, разрешаю!

Раздались возгласы одобрения от других слышащих экипажей.

– На базе разберутся, – пробубнил Восьмисотый.

– Вот… формат! – произнёс Один уже не по рации.

– Да, ничего. Скажешь, что это была моя идея, – сказала Катюша.

– Кэт! Я восхищён! Всем.

– А вообще ты рисковал моей жизнью, он прав.

– Это было дело чести, а не денег. И я бы никогда не рисковал твоей жизнью. Я рассчитал всё до миллисекунды, ты успевала. Восьмисотый потому и бесится, что тоже это понимает. Никогда универсал не откроет люк капсулы, если снаружи что-то угрожает человеку. И на базе это поймут, но вызвать могут. Для беседы.

– Ну, пообщаемся. У вас с Восьмисотым особая «любовь», я заметила.

– Это давняя история… А ты сидишь попой на панели управления. Не запрещается, но гиперскорость не включишь.

– Ой, а я и не заметила! Со страху, наверное, забралась, где повыше. Не надо гиперскорость, давай просто максимально возможную. А то мне казалось, что я так медленно бегу, – она рассмеялась.

– Разорить меня хочешь! – Один полностью вдавил педаль.

– Я заслужила прогулку с ветерком.

Они высадились на обрыве у реки. Стояли на краю и смотрели вниз. После происшествия с поездом и полёта на скорости около трёхсот километров по телу Катюши разливалось приятное тепло, очень хотелось прикоснуться к Одину. Он, словно прочитав её мысли, подошёл ближе и крепко взял за руку.

– Свалишься ещё! Тогда точно проблемы будут.

– Мне вот интересно, – заговорила Катюша, – если ЛА работает от генератора Лайноса, то о каком разорении может идти речь? Ты очень часто употребляешь это выражение.

– Есть затратные для машины режимы. Источник топлива то у нас неиссякаемый, но детали изнашиваются. При очень медленной скорости или быстрой они выходят со строя быстрее. 50 – 150 – самая низкозатратная скорость для невысоких полётов. Детали успевают самовосстанавливаться. Если загерметизировать капсулу и перейти на второй уровень, можно

лететь быстрее раза в четыре, и тоже довольно экономично, но ты не почувствуешь всей прелести полёта с закрытыми форточками.

– А гипер?

– Гипер, как ни странно, гораздо экономнее, чем та скорость, с которой мы летели сейчас, но злоупотреблять им тоже не следует. Конечно, ЛА – машина надёжная и, даже если постоянно так летать, менять что-то придётся очень не скоро, но если придётся… детали очень дорого стоят. Сообщество оплачивает, только если решит, что действительно пришёл час замены. Есть экстремальные условия работы, где ЛА не выдерживают и ломаются часто. На Севере, к примеру, в Антарктиде, при космических полётах, под водой. Там бесплатные детали выдаются по требованию. Здесь примерно раз в десять лет, есть те, которые дают чаще, но это по мелочам, в основном для внутреннего оснащения. А если я даму решил удивить, ну как тогда помнишь, когда мёртвые петли выписывали, или как сейчас, проехались чуть быстрей обычного, то это уже мои проблемы.

Катюша улыбалась, вспоминая, как пару дней назад Один показывал всё, на что была способна ЛА. Как он отвечал на вопросы Восьмисотого по рации: «Тридцать первый, с кем ты там воюешь, в небе?», «С тоской, со смертельной тоской!», «На базу во второй сектор обратись!», «Нет, приятель! Стоит только раз по-настоящему почувствовать себя живым, и исправить это уже никто не сможет».

Во второй сектор всё же пришлось обратиться, по другой причине. Их вызвали после того, как Восьмисотый доложил про поезд. Они прилетели на базу, зашли в третий сектор, желая что-то выяснить. Рыжули на месте не оказалось. Невысокая по сравнению с другими универсалами девушка с короткими светлыми волосами встретила их.

– Блондинчик, а где солнце моё? – спросил Один.

– В камере. Двое суток безвылазно сидела тут, на коктейлях одних, – ответила девушка. – А вы Кэт?

– Да, это я, – сказала Катюша.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась блондинка. Как потом выяснилось, её так и звали – Блондиночка.

– А зачем нас вызвали? – спросил Один.

– Не знаю точно, что-то с поездом связано. Во второй сектор пройдите.

Они дошли до второго сектора. Взгляд Одина потускнел, Катюша это заметила.

– Эй! Мы же не нарушали. Или я чего-то не знаю?

– Не люблю сюда заходить…

Когда они вошли, Катюша поняла почему. Около сотни лет, а особенно последние лет пятьдесят люди жили в достаточно непринуждённой обстановке. Их право на своё мнение, на выбор, на проявление индивидуальности уважалось с рождения. Во втором секторе атмосфера была такой, что можно было «топор вешать». Эмоциональное напряжение после фрилайферской расслабленности ощущалось особенно остро. Катюша не знала, что чувствует Один, но то, как взгляды двух присутствующих там человек впились в него, объяснило то, почему он не любит сюда заходить. Ещё во втором секторе были два универсала: Восьмисотый и смуглая девушка, по всей видимости, исполняющая те же обязанности, что Рыжуля и Блондиночка.

Из людей было двое мужчин. Первый – главный программист базы, лет 40—45, атлетического телосложения, с красивыми голубыми глазами, но уж очень пронзительными, отчего они казались даже чуть злыми. Второй – один из наблюдателей, постарше, лет 55—60, невысокий, коренастый, с редкими волосами. Взгляд его был добрый и несколько уставший. Всего наблюдателей на базе работало четверо. По сути это те же программисты, но с меньшими знаниями и, соответственно, полномочиями. Если проводить аналогию, как врач и медсёстры.

– Здравствуйте, Екатерина, – заговорил программист. – Мы очень желали с вами познакомиться.

Он и наблюдатель вежливо представились и пожали Катюше руку. На Одина они, похоже, внимания вообще не обращали.

– Как вам у нас работается? – спросил программист.

– Очень интересно! – ответила Катюша.

– Вы правила все читали?

– Естественно, при оформлении.

– У-3186, – обратился, наконец, программист к Одину, – а вы правила помните?

– Да, – мрачно сказал Один.

– Почему же не соблюдаете?

– Вы о чём?

– Вы подвергли опасности члена экипажа, принадлежащего другой расе. И судя по вашим показателям, значительно превышающим план, вы жестоко эксплуатируете своего второго пилота.

Тут вмешалась Катюша:

– Послушайте, то, что я другой расы, как то влияет на ситуацию? Вроде мы ничем не отличаемся?

– Ничем, кроме того, что если универсал попадает в зону действия барьера, самое страшное, что может случиться, это необходимость обнуления. А вот вы могли серьёзно пострадать.

– Ну да… Обнуление – это же совершенно не страшно! – с сарказмом сказала Катюша.

– Сообщество не разделяет позицию Комитета насчёт равноправия. Жизнь человека всегда должна быть в приоритете…

– Похоже универсалы и между собой неравноправны, – перебила его Катюша. – Почему-то на капсуле Одина не установлен дублёр, способный работать в силовых полях щитов. У вас очень странные условия его льготного получения и очень странная стоимость для такой простой машины. Коллеги с такой штукой могли успеть раньше, а мне каждое растение дорого.

– Вы настолько нуждаетесь в деньгах? – удивился наблюдатель.

– Да, иначе зачем мне работать. Так что никто меня не эксплуатирует. Планом не предусмотрено количество растений или открытий, больше которого находить нельзя. В данном случае Один не виноват, это была моя идея.

– Люк вы сами бы не открыли, даже если бы идея была ваша. Если вы нуждаетесь, почему не обратитесь в Комитет? – спросил программист.

– Мне деньги нужны на личные цели, я не хочу их озвучивать.

– Сообщество могло бы дать вам кредит, – предложил наблюдатель.

– Нет, спасибо, мне не срочно.

– Как знаете, но больше не рискуйте, – наблюдатель сел за стол, тяжело дыша, достал бутылку с водой и какие-то пилюли. Явно, работа здесь была нервная. Ни экологичная жизнь, ни отсутствие нужды не спасало его от преждевременного старения. Как в дальнейшем подметила Катюша, остальные наблюдатели тоже выглядели значительно старше своего возраста.

– Я не рисковала. Любой универсал может очень точно определить расстояние и рассчитать время, требуемое на его преодоление. Серьёзные повреждения психики могут наступить только при прохождении рядом самого поезда, иначе пришлось бы строить очень длинные станции. У нашего коллеги есть видео, предусмотрительно снятое им. Вы можете всё проверить. Там даже с запасом было.

– Мы уже посмотрели. Вы же не против?

– А если бы я была против, что-то бы изменилось?

– Ваша жалоба на незаконное видео в Комитет и у нас у всех будут проблемы. В Сообществе существует правило, что можно нарушить некоторую свободу человека, если это как-

то связано с его безопасностью. Мы бы доказывали это, Комитет то, что свободу нарушать никогда нельзя и у человека также есть право на смерть. Всё было бы долго и энергозатратно для обеих сторон, – объяснил наблюдатель.

– Я что, дура? – Катюша не в первый раз порадовалась своим школьным прогулам и тому, что в её голове нет этого бреда.

– Вижу, что нет. Поэтому мы без страха перед Комитетом посмотрели запись вашего коллеги. Там действительно всё так, как вы сказали, даже с запасом, если бы не одно но.

– Какое?

– Даже универсал не может просчитать всё. Вы могли споткнуться, испугаться настолько, что побежали бы вдоль, а то и в другую сторону, под поезд. Да мало ли что могло случиться…

– Попасть в вихрь выходящей из гиперрежима капсулы Восьмисотого, так стремившегося успеть первым. Знаете, какое это неземное ощущение, когда находишься в поле барьера, а тут ещё рядом изменённое пространство как усилитель действует! – продолжила Катюша и взглянула на Восьмисотого. – Извини, приятель, я не хотела тебя выдавать… Как-то случайно получилось.

– То есть? – спросил программист, обращаясь к Восьмисотому.

– Эта была необходимость, – ответил тот, оправдываясь. – Я решил на всякий случай быстрее оказаться там.

– И я уверена, он тоже всё рассчитал, ни на секунду не сомневаясь в моей адекватности, – сказала Катюша. – Конечно, я могла споткнуться и что там ещё… не запомнила. Ещё в любой момент на меня может что-то упасть, остановиться сердце, и если это произойдёт во время работы или… о ужас!.. на базе, то у вас с Комитетом будут проблемы. Люди! Вы серьёзно хотите просчитать жизнь и вывести формулу абсолютной безопасности? Но это же смешно!

– Да, но универсалы должны учитывать любые возможности… – начал программист.

– Универсалы отличаются от нас только тем, что могут отключить эмоции при просчёте вероятностей, – перебила его Катюша. – Но ни один разум, ни человеческий, ни компьютерный, не может учесть всё. Предлагаете ничего не делать?

– Хорошо, Екатерина. Вы достаточно убедительны, – сдался программист. – Просто впредь будьте осторожней.

– Конечно.

– У-3186, вы тоже, надеюсь, всё поняли? Второй пилот имеет право голоса, но капсулой управляете вы. И не забывайте, кто ваш второй пилот.

– Да, – ответил Один.

– Тогда не буду вас задерживать.

Когда они вышли, Катюша сказала:

– Конечно, я буду осторожней! Буду всегда осторожней, если рядом Восьмисотый!

– Сейчас ему тоже разнос устроят за гипер, сам напросился. Кэт, скажи, а на что тебе деньги нужны?

– Не знаю, пока не придумала. Но чувствую, что нужны!

– Я тебя обожаю! Как ты с ними так общаешься?

– Как?

– Как будто они в чём-то виноваты, а не мы.

– Это справедливо, мы не виноваты, а они нас задерживают. Сейчас весь лес без нас изучат!

– Знаешь что, сейчас быстренько находим пару-тройку цветочков, копаем пруд, а вечером приглашаю тебя на ужин на крыше гаража.

– Приглашаешь в качестве ужина?

– Почему?

– Там же комары всех пород на пиршество соберутся.

– А, забыл. Ничего, у меня отпугивалка есть, можешь её себе забрать. Днём от солнышка заряжаешь, несколько дней работает. Мне она не нужна.

– Сам как отпугивалка?

– Ага!

Возле их капсулы полукругом стояли универсалы с базы и Рыжая и с интересом что-то смотрели.

– Вот они! – воскликнула Рыжая, когда они подошли. – Мне тут Смугляша такое видео скинула! Чувствую, через пару дней у неформатов будут все льготы на переоборудование капсул. Один, признайся, ты где Кэт раздобыл?

– У железной дороги, – ответил он.

– Тридцать первый, одолжи второго пилота на денёк! – сказал тот самый парень, который принял Катюшу за Рыжую, когда она впервые прилетела на базу.

– Перебьёшься! – ответил Один и обратился к Рыжей. – Рыжик! Чего не спишь?

– Как я могу пропустить день, когда ваш экипаж работает? Опять коктейли поглощать придётся.

– Кэт, полетели работать, быстрее освободимся, быстрее Рыжая спать пойдёт, а то она состарится без камеры.

– Да я только оттуда, – возразила Рыжая.

– Всё равно мы сегодня недолго.

ЛА-5 3186 взлетела, со свистом рассекая воздух. Одину почему-то хотелось быстрее отсюда улететь, быстрее закончить рабочий день и остаться вдвоём с Кэт. Катюша, наоборот, не прочь была бы пообщаться с ребятами, но… Хоть второй пилот и имеет право голоса, пользоваться этим правом не хотелось.

Уже в капсуле она спросила:

– А чего они там смотрели такое?

– Между секретарями базы существует правило, негласное – записывать все разборки, происходящие во втором и первом секторах, потом скидывать друг другу, а дальше или смеяться, или плакать.

– Вы же не умеете плакать?

– Бывает, душа плачет, особенно если в первый сектор посчастливится попасть.

– А там что?

– Лучше не знать!

Катюша смотрела, как Один копает пруд при помощи ЛА. Блестящая обшивка снизу раздвинулась, и наружу вырвалось голубоватое пламя. Под воздействием этого пламени почва разлеталась в разные стороны. За два с лишним часа всё было готово.

Выбранную землю Один согнал в одно место и получился холм, похожий на пирамиду. Одной из своих стен подходил прямо к воде.

– Обалдеть, Один! – Катюша была в восторге. – Он даже больше, чем я хотела! Теперь ждём дождей, и можно купаться.

– В этом году вряд ли получится. Пока пруд наполнится, холодно станет, а в следующем запросто. Пирамиду доработаю, и с неё можно будет прыгать. Специально там место глубокое сделал, – сказал он и улыбнулся, – для любителей нырять.

– Я и не думала, что в капсулу ещё что-то встроено, кроме того, что внутри.

– В неё столько всего встроено! Во время Ликвидации приходилось часто пользоваться, теперь нет, в таких только случаях… мирных.

– Один, Ликвидация – это же почти война была?

– Если не хуже… Послевоенное время. Воевать уже никто не хочет, а приходится.

– А тебе приходилось… ну это… убивать? – с опаской спросила она.

– Ну что ты! Мы не умеем. Нас для того и создали, чтобы можно было не убивать. Наше дело было найти, обезвредить и передать властям. А там пусть сами решают, что делать с не желающими мира… Кэт, давай в другой раз об этом, хорошо?

– Хорошо, – Катюша пожалела, что спросила. Секунд на тридцать присущий универсалам блеск глаз пропал.

– Так что насчёт ужина? Ты придёшь? – спросил он, возвращаясь к своему обычному состоянию.

– Да, конечно. Давно хочу увидеть твой гараж. Уж если меня ЛА так впечатляет, представляю, что будет, когда увижу гараж изнутри. Тогда прилетели, снаружи только зелёный холм видела.

– Там на самом деле не так уж и интересно. Просторно правда. Через часа два приходи. Дорогу найдёшь или прилететь за тобой?

– Найду, конечно! До вечера.

В назначенный час Катюша подошла к гаражу и начала сомневаться в том, что она правильно нашла дорогу. С виду это действительно был обычный зелёный холм. Она обошла его со всех сторон – ни окон, ни дверей не было. Катя уже хотела звонить Одину, но внезапно напротив неё в холме образовалась дверь, и он появился на пороге.

– Чего ходишь вокруг да около? Заходи!

– Как ты меня увидел?

– Внешнее наблюдение оставил, у тебя такой вид был, когда ты гараж обходила со всех сторон. Хочешь, покажу?

– Не надо! Сразу не мог выйти?

– Ну не обижайся. Может мне нравится тебя удивлять! – сказал Один.

Он вроде дотронулся до неё просто по дружески, как делал много раз, просто обняв двумя руками за плечи, но тёплая волна желания тут же пробежала по её телу. Испугавшись собственных ощущений, Катюша только ещё больше нахмурилась.

– Не обижайся, – повторил он. – Пойдём ещё ужином удивлю. Только сначала покажу тебе свою нору.

– Пойдём, – улыбнулась она, отогнав непрошеные чувства.

Они вошли внутрь.

– Ничего себе нора! – воскликнула Катюша. – И окна, оказывается, есть. Снаружи не видно.

– Да. Там, где окна, наружная трава – это бутафория. Искусственный материал, с внешней стороны хамелеон, отсюда – прозрачный.

Из огромного коридора, где спокойно поместилась бы целая капсула, по левую сторону находились две восстановительные камеры. Для ЛА и для Одина. С правой стороны была дверь в другое помещение.

Вокруг ЛА-5 светилась голубоватая дымка.

– ЛА заряжается? – спросила Катюша.

– Восстанавливается после рабочего дня. Царапинки зарастают, мухи налипшие удаляются, грязь, внутренние детали ремонтируются. В них живые части есть. Они и заняты ремонтом.

– Это поэтому капсулы почти не ломаются?

– Да, главное микроорганизмы не угробить чем-нибудь, барьером, к примеру, и время от времени ставить восстанавливаться. В этом голубом дыму малютки быстро восстанавливают численность колоний.

Один открыл дверь напротив восстановительных камер.

– Это лаборатория, где и живут мои растения. Здесь же много военных трофеев. Проходи, смотри, а я пока отпугиватель комариный поищу.

Они зашли в лабораторию. По сравнению с остальным просторным и пустым помещением захламлённость резко бросалась в глаза. Вдоль стены стояли всевозможные ящики, приборы, носители информации – от книг до современных кристаллов в ящиках с таким же голубым туманом, что и вокруг капсулы. По всему залу в горшках росли различные растения. Некоторые находились в прозрачном ящике, похожем на аквариум. Вокруг них клубились фиолетовые вихри и сверкали электрические разряды.

– Чего цветочки мучаешь? – спросила Катюша.

– Хочу, чтобы они могли жить в камере восстановления.

– И зачем?

– Ну как? Просыпаюсь я утром, а вокруг зелень…

– Ага! И птички поют!

– Птичек нельзя… Так, вот она, – он нашёл небольшой прибор, похожий на карандаш. – Заряда на пару часов хватит. Потом тебя съедят!

– Я быстрее поужинаю. А что это за приборы?

– Это и есть военные трофеи. Оставил на память, заслужил всё же…

Катюша усмехнулась. Она уже хорошо успела изучить Одина. «Оставил на память». Раз вещи не в музее – скорее всего, он их попросту стащил. Вряд ли бы он их выкупал, зная, что музеи переполнены различным хламом. С другой стороны – ведь действительно заслужил.

– Пойдём в гостиную, – предложил Один.

Гостиная представляла собой огромный зал, в центре стоял диван и несколько кресел. В нескольких метрах от них находилась лестница, ведущая наверх. Верхнее помещение казалось нависающим балконом, только выглянуть с него нельзя было – стена была сплошной. Под этим «балконом» стоял стол. Серый диск компьютера был раз в шесть больше в диаметре, чем стандартный мобильный диск коммуникатора. Над самим диваном и креслами потолки были на всю высоту холма, наверное, как обычные три этажа. С противоположной стены, там, где не нависало помещение второго этажа, стоял стол с коктейльной машиной, ящик с бутылочками и довольно большой встроенный шкаф.

– Один, а там что? – спросила Катюша, показывая на лестницу.

– Пустое помещение, пока не придумал, что там сделать. Сейчас туда поднимемся и выйдем на крышу. Можно, правда и снаружи по холму подняться, но в той комнате у меня запасы еды спрятаны. Оставь я их на крыше, уже бы кто-нибудь съел.

Они поднялись, прошли по просторной и совершенно пустой комнате к выходу на крышу. Один прихватил коробку, стоящую у самой двери и они вышли. По спиральной тропинке, огибающей половину холма, поднялись на самый верх. Холм не был остроконечным – вершина была срезана, и получилась довольно просторная площадка.

– Какая здесь высота? – спросила Катюша.

– Двенадцать метров, – ответил Один. – Как тебе гаражик?

– Вместительный. Ты его специально внутри холма сделал?

– Нет, сначала гараж построил, потом обсыпал со всех сторон, трава сама выросла.

Катюша подошла к самому краю, любуясь видом на поле и потрясающим закатом.

– Прошу к столу, бери всё, что понравится, я это всё равно не ем, – позвал её Один.

Она обернулась – на разложенном одеяле стояли блюда. Ягоды, коренья, различные травы – самая обычная еда, которой питаются все местные жители. Но разложена была так, что позавидовал бы любой дизайнер. Также стояли бутылочки с разными соками. Чёрные бутылочки с зарядными коктейлями Один пододвинул ближе к себе.

– Я как одна стала жить, вообще забыла, что еду можно как-то красиво раскладывать. Про соки вообще молчу.

– А зачем тебе оно надо? Ты приходишь домой голодная и страшно уставшая, просто бы успеть поесть, не то, что раскладывать что-то. Это я так… удивить немножко.

Катюша недолго думала с чего начать – содержимое трёх цветных бутылочек уничтожилось ею сразу.

– Вкусно! – сказала она.

– Ты, я смотрю, тоже вкусная, – сказал Один, глядя на её руки, которые просто облепили комары.

– Ой, а я и не заметила!

Она спряталась в длинных распущенных волосах. Надоедливая мошкара начала крутиться у лица, будто сама желала быть съеденной.

– Держи, – Один протянул ей отпугиватель. – Я включил его. Через две минуты все улетят. Ну а кто не успеет… пусть простит нас.

– Единственное, что мне не нравится здесь, так это количество кровососущих гадов! Кусается всё, что летает. На Востоке такое только в заповедниках.

– Когда-то и здесь так было. Теперь одичала местность, да и естественных врагов у них мало. Биологическое оружие Последней войны на птиц и зверей действовало так же, как и на людей – сильно сократилась численность многих видов. А некоторые изменились до неузнаваемости.

Катюша вспомнила жуткие музейные экспонаты со школьных экскурсий. Зря боялись мутантов, они не смогли приспособиться, многие не могли размножаться, многих отловили для тогда ещё разрешённых опытов.

Запрет на использование и исследование видов, у которых доказано наличие индивидуальности был введён в конце Ликвидации не только из гуманных соображений. Биологи забили тревогу – млекопитающие, птицы, крупные рыбы и даже пресмыкающиеся были на грани исчезновения, что грозило серьёзными нарушениями в биоценозах. В результате выросло несколько поколений, своим внешним видом и замедленным старением разрешивших все давние споры о вегетарианстве. Начались другие споры – о том, что оказало большее влияние, отсутствие войн и страха или питание.

Животная продукция добывалась фермерами-телепатами бережными методами. В поисках самки, позволяющей себя доить, или осиротевшего гнезда с яйцами, они могли проходить за день десятки километров. Вокруг отшельников, разочаровавшихся в людях, довольно часто собирались различные животные, и хищники и травоядные вместе. Отшельнику много не надо, и, если кому и удавалось добраться до странной межвидовой семьи, уходил он от неё с полными рюкзаками даров и кучей противоречий в голове. Впрочем, по возвращении в мир людей, противоречий не оставалось, и бесплатную раздачу продуктов животноводства путешественник не практиковал. Такая продукция стоила дорого и использовалась в основном при лечении. С шерстью было проще, многие животные сами приходят в поселения во время линьки.

– Интересно, а если поймают зайчика, свернут ему шею и до прибытия бригад из наблюдательного центра гипернуть успеют, вместе с тушкой? Их реально обнаружить? – спросила Катюша.

– Конечно. Будет задействовано более сложное оборудование, чем обычно. Энергия с информацией о насильственной смерти вне рамок естественного отбора оставит след в пространстве, капсула протянет его за собой. Пусть не за две-три минуты, но всё равно найдут. Преступники могут лишь успеть отведать блюдо каменного века, а потом заплатят огромный штраф, возможно и под наблюдение попадут. До сих пор раз в пятилетку попадаются такие.

– А в целях самообороны можно убивать? – спросила Катюша и согнала комара, на которого не действовал отпугиватель.

– Такого кровожадного зверя как этот даже съесть можно, – засмеялся Один, глядя на неё. – Сам же в руки идёт, охотиться на него не надо. И утраченную численность быстро восстанавливает. А с крупными хищниками надо быть осторожнее. Отпугиватели бывают раз-

ной мощности, и идти в дремучий лес без них не стоит. Такие и для людей вредны, но есть специальные таблетки, за день устраняющие последствия излучения.

– Тогда и белочки с зайчиками разбегаться будут.

– Необязательно держать его включённым. Фермеры, например, никогда им не пользуются, хотя всегда носят с собой. Маловероятно, что к людям, не обладающим фермерскими способностями, подойдут даже самые опасные хищники. Звери стараются заранее разбегаться – генетическая память о том, что их могут сожрать всё же пока ещё сильна. Со страху только, если внезапно у них на пути возникнешь, могут напасть.

– Как та змея? – смеясь, спросила Катюша.

Несколько дней назад на лесной тропинке она случайно наступила на змею, но вовремя отпрыгнула, даже запрыгнула – к Одину на руки. Вцепилась в него со страху и так висела, пока змея кидалась на смеющегося Одина. Нашипевшись, змеюка уползла.

– Тебе уже смешно? Тогда не очень было!

– Зато ты ржал, как ненормальный! А вообще весело с тобой.

– Хорошо, Восьмисотый большую часть нашего веселья не видит, а то общаться нам со вторым сектором намного чаще пришлось бы…

Они одновременно посмотрели в сторону заката. Солнце давно скрылось за лесом. Приближавшаяся серая июньская ночь сыростью и прохладой заставила Катюшу отстегнуть накидку от длинной юбки-трансформера. Чёрный комитетский материал в один слой грел мало, зато был эластичный и невесомый. Можно носить на себе несколько слоёв этой ткани на всякий случай безо всяких неудобств.

Один вытащил из маленькой коробочки горсть непонятных шариков и подбросил их. Шарики разлетелись и зависнув на расстоянии около двух метров друг от друга, засветились.

– Летающие фонарики! Те самые! Я никогда не видела их сразу столько! – Катюша подскочила от восторга.

– Держи пульт, – Один бросил ей маленький чёрный прибор. – Плюсом расстояние между шарами увеличиваешь, минусом – уменьшаешь, стрелки – это чтобы сразу всей группой управлять, плюс-минус красные кнопки – это ярче, тусклее свет делать.

Катюша, как ребёнок, начала гонять фонарики то выше, то ниже, увеличивая и уменьшая расстояние между ними, а Один всё доставал и подбрасывал новые шарики.

– Они не улетят? – спросила она. – Их уже больше сотни!

– Дальше тридцати метров от пульта не улетят, – ответил Один достал последнюю горсть шариков. – Всего их сто пятьдесят. На Востоке нет таких?

– Есть, по одному в каждой комнате, без всяких пультов. Надо выключить – лови руками. Обычно их просто устанавливают стационарно, как и в домике у меня здесь. И большие, а эти прямо как светлячки! Я когда видео увидела, что они вот такие бывают, прямо мечтала их увидеть.

– И потрогать… Их тоже можно ловить, – с этими словами он поймал один из шариков.

Катюша последовала его примеру и поймала другой. Остальные шары закружились вокруг них, пытаясь прийти к равновесию.

– Если мы так и будем стоять друг от друга на расстоянии, отличающемся от заданного, они не остановятся. Самое маленькое задай и подходи ко мне ближе.

Катюша несколько раз нажала на минус и подошла к Одину. Они держали шарики на расстоянии двадцати сантиметров друг от друга. Остальные шары окружили их и выстроились на таком же расстоянии. Когда система полностью застыла в ночном воздухе, Катюша сказала:

– С тобой не просто весело… А не знаю… Я как будто нашла то, чего мне всегда не хватало. Ни одного бессмысленного дня.

– Жизнь фрилайферов не бессмысленна. Смысл в самой жизни. Просто иногда появляются те, кто может эту жизнь сделать лучше за пределами своего поместья или поселения.

– А я могу сделать что-то лучше?

«Даже не представляешь, насколько ты уже это сделала!» – подумал он и тихо сказал:

– Давай соберём фонарики, и я тебя провожу, без ЛА, пешком.

Фонарики слетелись обратно по команде пульта. Пока Один собирал бутылки и тарелки, Катюша осваивала другие кнопки, изощрялась, пытаясь каждый фонарик загнать в коробку по отдельности, выстраивала из них светящиеся надписи. Он подошёл, взял пульт, и шарики слетелись в коробку. Больше всего Одину хотелось сейчас не провожать её домой, а уложить на одеяло, сдёрнуть с неё чёрное подобие одежды и почувствовать то, что чувствует человек. Понять, как можно так от души радоваться полутора сотням управляемых радиосигналом сфер из простейшего композита с узкоспециализированным микропреобразователем внутри. И видно было, что она бы и не сопротивлялась, но удивить фрилайфера техникой и интересными историями ничего не стоит. Нет, пока он не имеет право на её любовь. Он свернул одеяло и убрал в коробку.

К участку Катюши шли настолько медленно, насколько это было возможно. И всё равно обоим показалось, что три километра пути преодолены были на гиперскорости.

– Спасибо за вечер, – сказала Катюша, когда они пришли.

– И тебе спасибо, ты очень многое для меня делаешь, – ответил Один.

– Ты про работу?

– Не только… Завтра можешь поспать чуть дольше. Уже поздно, а мне ты нужна отдохнувшая.

– Опять будет жестокая эксплуатация второго пилота, принадлежащего к другой расе?

– Ага, угадала!

– Жду с нетерпением!

– Тогда до завтра.

Он ушёл. Катюша долго не ложилась спать, и даже когда легла, уснуть удалось не сразу. Непонятные чувства просто переполняли её. Бессонницу прогнать никаких проблем не составило бы правильным дыханием и расслаблением, но ей не хотелось засыпать. Хотелось думать о нём, о вечере на крыше, о ёжике, выкатившемся к ним на дорогу, пока они шли домой, обо всех приключениях, произошедших за последние три недели и о том, что ещё может произойти.

5

Лайнос любил Вселенную и её законы, Макланус любил Землю и людей…
Социолог Роберт Тополёв, «Разговор с диким фрилайфером»

Так работали они около месяца. И с каждым днём их дружба становилась всё крепче.

Катюша никогда не была обделена вниманием парней, но никогда не пользовалась этим вниманием. Никто до Одина удивить её не мог. А тут мало того, что каждый день был полон приключений, так ещё Один постоянно рассказывал случаи из своей жизни, факты истории, которые не найдёшь в общей сети. Время, появившееся у неё по вечерам, она уделяла чтению, в основном истории Земли. Конечно, рассказать что-то Одину, чего он не знал бы, она даже и не мечтала, но хотя бы понимать, о чём он говорит, надо было.

Ночами Катюша подолгу не могла уснуть. Она прекрасно понимала, что с ней: нахождение целый день рядом с интересным для неё мужчиной, который ещё и выглядел так, что не придерёшься ни к чему, делало своё дело. И хоть девочек учили с достаточно раннего возраста управлять сексуальной энергией, трансформируя её в другие виды, делать это становилось всё сложнее.

Перекачанная в ментальную, эта энергия приносила большую пользу днём. Показатели экипажа 3186 росли на зависть коллегам. Но стоило вечером Одину улететь, как она возвращалась с удвоенной силой и снова затмевала сознание.

Иногда от звонка Одину с соответствующей просьбой Катюшу останавливало только то, что он представитель другой расы. Хотя физиологически ограничений не было. Несколько раз они говорили о межрасовом сексе, но это было сказано к слову. Основной разговор шёл об изобретениях Маклануса, о тех возможностях, что он дал машинам, о генетически изменённых клетках их прототипов, что объяснило несоответствие между типажом и каким-либо признаком у некоторых универсалов, в частности таких, как цвет волос у Одина. И вывести разговор на желаемую для себя тему, чтобы узнать личное мнение Одина о межрасовых парах, никак не удавалось.

С каждым днём трансформация энергии помогала всё меньше. Конечно, можно было просто избавиться от желания очень простым способом, так осуждаемым в древности, но ей не хотелось это делать. Вред от сего действия был давно опровергнут, впрочем, так же как и польза. Всё равно, что читать прошлогоднее расписание поездов, когда больше читать нечего. Энергию, основная задача которой заключалась в сотворении новой жизни, хотелось разделить с тем, кто вызывал этот поток. Но как сказать Одину, что с ней творится, она не знала. Окажись он рядом с ней ночью, она бы и говорить ничего не стала, но днём всё воспринималось по-другому. Утром, когда он прилетал, она вроде как забывала о терзающих душу и тело желаниях. Впереди её ждал интересный день, насыщенный событиями. И нахождение рядом с Одином делало её спокойнее.

В середине одного жаркого рабочего дня Один внезапно развернул капсулу в сторону Востока.

– Кэт, а полетели, одно удивительное место покажу. Вспомнил что-то о нём… Приходилось раньше там бывать.

– С удовольствием! – больше всего ей нравилось, когда они вот так внепланово куда-то летели.

Вспыхнув светом, капсула исчезла в голубом небе.

Они оказались в незнакомой для Катюши местности, у подножия скалы. Лес был гуще, воздух влажнее. Один глянул на индикатор заряда, прихватил коктейль и закрыл капсулу.

– Видишь гору? – спросил Один и, взяв Катюшу за руку, повёл по тропинке. – Нам туда.

Когда гора показала себя во всей красе, от восхищения Катюша не могла произнести ни слова. Яркость красок поражала своей нереальностью.

– Тут обитало племя, в котором выросла Заряна, жена Лайноса, – уважительно, как о святыне, произнёс Один.

– Историческое место, получается.

– Именно где-то здесь ей и удалось уговорить его не совершать самую большую и, возможно, последнюю для человечества ошибку. Тут пещера есть, пойдём посмотрим. Там и прятались несколько столетий назад Заряна с Лайносом, когда он отказался работать на покровителя.

Вход в пещеру был нешироким и низким. Внутри было очень просторно и темно.

– Как же они без света жили? – спросила Катюша.

– Как зимой без тёплых построек – вот это вопрос!

Один включил фонарик.

– Долго светить не могу, он от меня питается. Тут если пройти и чуть спуститься, выходишь к подземному озеру, как раз над ним в скале разлом и солнечный свет проникает внутрь. Непередаваемое зрелище.

– Проводишь?

– Прошу, – сказал он, пропуская её.

Пройдя тёмную часть пещеры, они наткнулись на ещё более узкий лаз, чем на входе. Там достаточно было слегка пригнуть голову, а сейчас пришлось вставать на четвереньки.

Перед ними открылся удивительный вид. Озеро, зеленоватое в лучах проникающего сверху солнца. Вода поразительно прозрачная. Сталактиты и сталагмиты переливались бронзовыми и серебряными оттенками и создавали ощущение какого-то инопланетного места.

Они обошли вокруг озера. Катюша зачерпнула горсть воды и поднесла её ко рту. Вода была холодной, но не пальцы, не зубы не сводила.

– Один, ведь благодаря этому озеру мы живём. Оно дало тогда беглецам возможность выжить.

– Ну, Заряна не беглец была. Для неё это родные места.

– Удивительные места!

– Единственный минус, – сказал Один, откупоривая коктейль, – аномальная зона и влажность высокая. Разряжаюсь быстро.

– Может, вернёмся тогда?

– Успеем. Там за тем камнем на стене… Там записи на языке племени Заряны. И записи Лайноса. Я в прошлый раз не прочёл, не успел, пришлось вернуться к капсуле. Сейчас заряда хватит… Должно хватить.

Он скрылся за камнем. Катюша последовала за ним. Включив программу фото, он начал просматривать наскальные записи. Катя делала тоже самое. Это оказался дневник Лайноса и какие-то непонятные ей заметки, видимо Заряны. Похоже, они подробно описывали каждый день своей жизни здесь. Текста было много. Вся огромная стена была исписана и исчерчена.

– Один, неужели этого нет в сети? – спросила Катюша, глядя на стремительно снижающийся заряд.

– Есть фото нескольких предложений и текст, написанный неизвестно кем. А правдивый ли он, неизвестно, но точно не полный, причём далеко не полный. Ещё мало кто знает, с обратной стороны камня чертежи. Сейчас дочитаю, сдвину.

– А ты откуда знаешь?

– Прочёл только что. Никого ныне не интересует язык древнего дикого племени… А зря.

– Один! 15 процентов осталось.

– Всё, только камушек подвинуть, – он легко сдвинул огромный камень, весивший больше двух тонн.

Под ним и вправду были непонятные чертежи и записи.

Индикатор замигал красным светом, отсчитывая 10, 9…

– Один! – испугалась Катюша.

– Последнее фото, – сказал он. – Теперь бежим!

Пять, четыре, три… При беге индикатор стал отсчитывать отведённые Одину проценты ещё быстрее. Они обежали вокруг озера и направились к лазу.

…Два, один… Они начали пролазить в тёмную часть пещеры. Внезапно Один остановился, переставая подавать признаки жизни. Индикатор мигал: 0%, отсчитывал 60 секунд спящего режима, после которого погаснет и он, и могут начаться необратимые процессы.

Катюша в ужасе протащила его через узкий лаз, и они оказались в полной темноте. Включив слабую подсветку коммуникатора, она определила направление выхода.

– Один, миленький, потерпи, – проговорила она, увидев 25 секунд на индикаторе. Непонятно откуда взялись силы. Взвалив его себе на плечи, спотыкаясь в тусклом свете о камни, потащила его через тёмный зал. Индикатор погас. На преодоление пещеры ушло несколько минут – всё же вес Одина вдвое превышал её собственный.

– Ещё немножко… – успокаивала она себя, понимая, что ещё метров сто придётся нести его по лесу до капсулы.

Выйдя из пещеры вместе с Одином, она чуть не запрыгала от радости. И наверное, запрыгала бы, не будь он таким тяжёлым. ЛА, почувствовав разряд хозяина, подобралась настолько близко, насколько могла. Катюша, приложила к ней руку, и, обращаясь как к живому существу, сказала:

– Пусти, ЛА.

Капсула послушно открыла люк. Катюша втащила Одина внутрь, люк за ними закрылся. Усадив его на место, нашла провод внешнего зарядника, воткнула ему в запястье.

ЛА сказала своим электронным голосом:

– Полный разряд, гиперрежим невозможен, из источников заряда предпочтительна камера восстановления.

– Я же ей пользоваться не умею! – сказала Катюша. Оглядевшись, вскочила и схватила один из трёх оставшихся коктейлей. Запрыгнула к Одину и, усевшись у него на коленях в позе наездницы, стала вливать раствор ему в рот. Индикатор замигал, показывая начавшуюся зарядку, но Один не выходил из спящего режима.

– Значит живой! Ну же, просыпайся! – просила Катюша. Она метнулась за вторым коктейлем. Индикатор показывал уже 5%, но глаза Одина не открывались.

– Пожалуйста, пожалуйста! Ну, нет! Не спи! – Катя чуть не плакала от отчаянья. Вдруг основная программа со строя выйдет.

Обхватив его лицо руками, она уронила голову к нему на плечо, пытаясь собраться с мыслями. «Сообщить на базу? Но ЛА наверняка это уже сделала. Влить третий коктейль? Нет, один надо оставить, мало ли что. Позвонить Рыжей и сделать всё как она скажет? Ну конечно же!» Она едва успела это подумать, как услышала:

– Кэт 3186! Что вы делаете?

– Живой! – обрадовалась Катюша, растирая слёзы по щекам. Потом, поняв вопрос, ответила:

– Вообще-то тебя спасаю, фотограф!

– Ну не рассчитал маленько, – сказал он, улыбаясь и разглядывая её, так и сидящую у него на коленях. – Как ты меня дотащила?

– Быстро, как видишь! – раздражённо ответила Катюша.

Он обнял её и, гладя по растрёпанным волосам, спросил:

– Ну, не злись. Испугалась?

Катюша почувствовала его руки, скользящие по волосам и спине, поняла, что продолжает сидеть на нём. Пытаясь заглушить вспыхнувший внутри огонёк, спросила:

– У-3186, что вы делаете?

– Я не против быть спасённым, – ответил он. – ЛА, автопилот до гаража.

…Прикосновения к этой девушке вызывали волну непонятных пока Одину импульсов. Секс для универсалов возможен был как между собой, так и с людьми. Чем руководствовался Макланус, никто не пытался выяснить по причине полного безразличия к сексу среди большинства универсалов. За 165 лет своего существования Один видел много девушек, не менее красивых, чем Кэт, но никогда он не смотрел на них, как на девушек. Ни к одной не тянуло его так, как к этой. То ли её гордая самодостаточность, то ли любовь к одиночеству, то ли мгновенно вспыхнувшая дружба, так похожая на дружбу с Рыжулей, может надёжность, не раз доказанная ею, а может то, что она была красива какой-то особенной, простой красотой, всё это притягивало Одина с каждым днём всё сильнее. Не привыкнув к непонятным ощущениям, он пытался их как-то осознать и систематизировать, но они нарастали всё быстрее. Сейчас все те минуты и часы, проведённые рядом с Кэт, слились в одной точке, полностью сносили искусственный разум. А может полный разряд подействовал как обычно. Чем Кэт ближе, тем ему спокойнее. И сейчас он лишь стремился к полному спокойствию…

– Не знаю, с какой целью Макланус снабдил нашу расу такой функцией, но он не зря это сделал, – сказал Один, находясь всё ещё под впечатлением, не менее впечатлённой Катюше. – Энергии правда расходуется прилично.

– Не понимаю, чего он не сделал встроенный генератор Лайноса? – спросила она. – Удобнее же, чем постоянно от ЛА зависеть.

– Да вроде провода не сильно мешали, – сказал Один. – Сегодня так получилось, завтра без них будем. А может и сегодня…

Катюша улыбнулась, крепко прижалась к Одину, стараясь уместиться с ним на его кресле, превращённом в довольно узкую кровать.

– Вот ты представь, если мне ничего не надо от Сообщества в плане энергии. Стал бы я на них работать?

– Не знаю. Разве что для собственного интереса.

– Для собственного интереса можно и для себя работать. При встроенном генераторе Лайноса нужно было установить ограничения по саморазвитию, то есть сделать просто роботов. Но Макланус творец по натуре, он хотел создать расу, так сказать, по образу и подобию, а в то время нужны были слуги. Вот он и нашёл компромисс.

– Ну хоть бы солнечные батареи сделали, на всякий случай.

– Да-а, спасли бы меня солнечные батареи в тёмной пещере. Наверняка Макланус продумывал этот вариант, но, согласись, генератор Лайноса и собственная память о том, что себя надо кормить, гораздо более надёжный источник питания. Кстати, подай коктейльчик, надоел этот провод, – он выдернул зарядник из встроенной в организм розетки на запястье. Находившийся с внешней стороны руки индикатор тут же перестал мигать, остановившись на 72 процентах.

– Последний остался, я тебе там два сразу скормила. Не зря…

– Да уже почти добрались, выходить нигде не будем, по крайней мере, надолго. На сегодня приключений достаточно.

Катюша подала ему коктейль, оделась и села рядом. Посмотрела на экран и сказала.

– Один, девять сообщений! И голосовых пять. Половина от базы, другие не знаю, от кого.

– Это от другой базы. Меня искали. ЛА сигнал отправила. Странно, что мы голосовые не слышали.

– Не до того было.

– Да нет, отключили микрофон случайно, – сказал он, взглянув на панель управления.

– А что же они нас не нашли, не убедились в том, что с коллегой всё нормально или не нормально?

– Ты мне как зарядник воткнула, ЛА сигналить перестала. Они перестали торопиться. И судя по тому, что не прибыли в течение первой минуты-двух, не сильно и торопились. Они же с чужой базы, прилетели на место, откуда был сигнал, никого не нашли, сообщили на нашу базу и улетели по своим делам. Свои бы искали до обнаружения. А другим зачем? Может мы гипернули уже куда-нибудь. И… ведь хорошо, что никто не обнаружил!

Раздался треск рации и послышался голос У-2469:

– Экипаж 3186, ответьте!

– У-3186 слушает.

– Один, расщепи тебя преобразователь! Чего до этого не отвечали? С уральской базы сообщили, что от вас поступил сигнал о полном разряде. ЛА недолго сигналила, но всё же. Мы же переживаем!

– База, микрофон со строя вышел, уже починили.

– А на письменные что не отвечали?

– Не заметили, заняты были… восстановлением.

Катюша хихикнула.

– Восстановлением после чего?

– После полного разряда, – едва сдерживая смех, ответил Один.

– То есть ЛА не просто так сигналила?

– Рыжик, аппараты ЛА просто так не сигналят, надо бы знать.

– Может, сбой. Микрофон то вы сломали! Так всё-таки был полный разряд? Как Кэт 3186?

– База, да, произошёл полный разряд из-за непредвиденных обстоятельств. Кэт приняла меры. Всё замечательно, – сказал Один.

– Кэт 3186?

– База, слушаю, – ответила Катюша.

– Ничего, проверка.

Раздались голоса других экипажей. Типа: «отвечать сразу надо», «наблюдение по вам плачет» и т. п. Один взял рацию:

– Так, мы живы, все беспокоящиеся убедились в этом, концерт окончен.

– У-3186, посетите базу, – потребовала Рыжая. – Можно без Кэт.

– База, обязательно.

Уже по личной линии У-2469 отправил ей сообщение:

«Рыжик, не обижайся. Ты же знаешь, я живучий».

Она ответила:

«Один! „В случае полного разряда второй пилот, если он присутствует, должен принять меры и сообщить о ситуации“ Научи Кэт пользоваться капсулой, полностью!»

«Она умеет. Просто… тоже занята была».

«Ага, ты заряжался, а она тебя заряжала!»

«Типа того».

«Всё равно жду на базе!»

Катюша с Одином переглянулись и рассмеялись.

– Вот так у нас тут, Кэтти. И помереть спокойно не дадут, и с женщиной пообщаться. Мы почти у гаража. Останешься или тебя домой? Я сейчас в камеру, потом на базу.

– Тогда, наверное, домой.

– ЛА, перейди на ручное управление! – сказал он и взял штурвал в руки.

Один прилетел на базу. По пути до сектора Рыжей несколько раз натыкался на интересующихся произошедшим с ним событием.

К Рыжей он зашёл тихо. Она хоть и была занята, заметила его сразу.

– А, ты… Проходи. Так что же случилось? – спросила она, не отрываясь от компьютера.

– Я же всё сказал. Полный разряд, ненадолго. Документы Лайноса искали.

– Это где ты в прошлый раз с двумя процентами к капсуле вернулся?

– Да. Но в этот раз я взял коктейль… и Кэт.

– И успешно?

– Да, всё сфотал. Неделю разбираться буду. Там большая часть на их языке.

– Ну, это понятно. Вообще-то я про Кэт спрашивала.

– А что Кэт?

– Один! – Рыжая развернулась в кресле. – Ты мне сейчас своим счастливым видом систему со строя выведешь! Взгляни-ка на меня.

Один, перестав делать вид, что очень интересуется данными на экране, посмотрел на неё.

– Понятно всё… Добился своего.

– Рыжик, даже и мыслей таких не было! Как-то так получилось…

– Странно, за сколько лет не только мыслей, но и действий не было.

– Я удивлён не меньше тебя.

– Ты же знаешь, ты счастлив – я счастлива. И я очень хорошо отношусь к Кэт. Но просто хочу предупредить… Чтобы не было, как со мной тогда. Не забывай, кто мы.

– Не хочу об этом думать.

– Сейчас, понятное дело, не хочешь. А в данный момент и думать то не очень получается. Так ведь?

Он не ответил, лишь снова перевёл улыбающийся взгляд на мерцающий экран.

– Ой, иди уже отсюда, Ромео! – махнула на него Рыжая. – Видели бы ребята, которые с нами служили, незаменимого У-3186!

– Война закончилась, Рыжик, – сказал Один, направляясь к выходу.

– Привет Джульетте!

– Обязательно передам.

Катюша рассаживала привезённые растения, напевая при этом что-то весёлое и нечленораздельное. С соседнего участка через кусты малины перелез Вася.

– Катюха, что счастливая такая?

Сначала Катюша хотела по привычке побыстрее отправить его заниматься своими делами, но не получилось.

– Васька… Васька! Сегодня такой день замечательный! – только и сказала она.

– Я рад этому. И что же у тебя такого произошло?

– Замечательный день! Столько всего нашли!

– Вижу. Помочь сажать?

– Как хочешь…

Вася немного удивился внезапному доверию, но взял ведро и пошёл за водой. Принёс и стал поливать только посаженные цветы.

– Думаешь, приживутся на жаре такой?

– А куда они денутся! Я им что тут зря песни пою! – ответила она.

Честно, Катюше сейчас было всё равно, приживутся они или нет. Сажала по привычке, потому, что привезли, не оставлять же их засыхать.

– Что там с тобой делает этот универсал? – спросил не перестающий удивляться ей Вася.

Ответить Катюша ничего не смогла, лишь звонко рассмеялась, представляя, что делал с ней этот универсал за последний час.

– И всё-таки ты сегодня странная… Не прогоняешь меня.

– А ты этого ждёшь что ли? Вася! Ты можешь уйти в любое время, необязательно ждать, пока я тебя прогоню. Я тебя нисколько не держу, – ответила она и снова рассмеялась.

– Да нет, я помогу тебе. Универсал этот сегодня занят, видать. Привёз тебя и сразу улетел. Заряжаться, наверное…

– Он уже заряжен! – у Катюши от смеха началась бы наверное истерика, но тут позвонил Один.

– Всё, Васька! Тихо!

Она улыбнулась появившемуся изображению.

– Кэт, через часик приходи в гараж, если можешь.

– Могу, конечно. Как раз с цветами разделаюсь и буду у тебя!

– Всё, жду!

Она посмотрела на Васю.

– Так, Василий! Ты тут всё досаживай, а я ухожу.

– Работать опять?

– Сначала на речку, а потом не знаю. Один зовёт в гараж, наверное, помочь надо, – ответила она, едва сдерживая смех.

– Не доведёт тебя до добра твоя работа, прямо чую.

– Ничего ты не чуешь! Цветы точно досажаешь?

– Точно.

– Можешь взять себе те, что понравятся. Многие мы очень далеко отсюда нашли.

– Спасибо, а какие?

– Вась! Какие понравятся! Всё, мне некогда.

Дверь гаража открылась сама. Катюша, удивлённо оборачиваясь на неё, прошла в гостиную мимо восстановительных камер. Один сидел за компьютером, было развёрнуто несколько экранов, с текстом и чертежами. Он редко выходил в сеть напрямую, предпочитая использовать человеческие органы чувств для получения информации. Неохота было собирать бродящие по виртуальному миру неуловимые вирусы.

– Меня гараж сам пустил! Или ты меня увидел?

– Я тебе разрешение дал. Чего стучать каждый раз, ты теперь тут часто будешь. И вообще как то неправильно – к телу доступ есть, а к гаражу нет, – с абсолютно серьёзным видом сказал Один.

Катюша секунд пять смотрела на него, потом расхохоталась и села рядом.

– Чего читаешь? То, что нашли там?

– Да… Очень интересные вещи, не всё понятно, но со временем разберусь.

– О чём там?

– Всё о том же, о мировом балансе… Лайнос в своё время предупреждал о том, что нельзя бесконтрольно использовать преобразователь. Это хоть и неиссякаемый источник энергии, но важно соблюдать закон сохранения энергии. Нельзя только кидать в агрегат что-то или только брать. И тут он подробно объясняет почему. И вообще про этот эффект многое… в подробностях.

– А разве большинство приборов, работающих за счёт эффекта Лайноса, не только берут? Тот же браслет, освещение в доме.

– Это очень маленькие затраты, окупаемые стоимостью приборов.

– Но всё же… А капсула?

– Это необходимость. А вот показания гаражного генератора контролируются Сообществом… Здесь Лайнос говорит не о том, что конкретно данный агрегат может испортиться от одностороннего использования, а о мировом балансе энергии… За которым теперь тщательно следят соответствующие службы… И, похоже, этот контроль не так уж сложно обойти… Кэт, я сам разберусь и тебе расскажу понятными словами. Вообще большинство приборов

узкоспециализированы, многие были созданы уже после его смерти. Лайнос говорит о собственно преобразователе, который для массового использования сейчас запрещён.

– А что за иероглифы?

– Язык племени Заряны.

– Ты его знаешь?

– Да. И тут информация ещё похлеще… Типа преобразователь вообще не нужен, если все законы природы соблюдать.

– Если бы человечество изначально все законы природы соблюдало, Лайнос бы и не изобрёл его.

– Это то да…

– А что за штуковина? – она кивнула на другой экран.

– Не пойму, то ли капсула, просто большая, то ли звездолёт… Короче, нашёл себе развлекуху на несколько недель, – с этими словами он выключил компьютер. – На сегодня хватит.

– Развлекуху на несколько недель… Ты же про эти записи, да?

– А про что же ещё! Кэтти! – он засмеялся, поднял её, бросил на диван и страстно поцеловал. – Останешься сегодня? Спать придётся тут, в лаборатории есть вода. С обратной стороны холма выросло полно земляники, ешь и суши на зиму. А на будущее… Там наверху, где неиспользуемое помещение, сделаю тебе комнату, полностью оборудованную под твои нужды. Хоть постоянно тут живи.

– А сад?

– Точно… Ничего, тут рядом. Будем ночевать друг у друга по очереди. Согласна?

– Согласна!

– Тогда сейчас быстро разбираемся с растениями в лаборатории, собираем созревшие ягоды, а потом отмечаем первую брачную ночь!

– Это как?

– Это когда наедаются и напиваются всякой дряни, а потом секс до утра.

– А напиваться и наедаться дрянью зачем?

– Не знаю… Обойдёмся просто сексом!

Жизнь Кэт опять приобрела новые краски. Если раньше она ждала Одина, зная, что сейчас будет что-то интересное, новые пейзажи, необыкновенные растения, полёты на большой скорости, так любимые Катюшей, шутливая болтовня по рации. Перелёты на гиперскорости в отдалённые места по делу и не всегда. После нескольких таких перелётов подряд она чувствовала себя слегка опьянённой и совершенно счастливой. Пусть учёные спорят: хорошо это или плохо, но после того как гиперэйфория проходила, хуже она себя не чувствовала. За эти полтора месяца общения с универсалами она как-то незаметно для себя полностью втянулась в эту жизнь, так не похожую на жизнь большинства современных людей. И уже не представляла себе предсказуемое размеренное существование на полностью освоенном Востоке.

Теперь она ждала его, зная, что выполнив план по растениям, он обязательно отвезёт её в те места, которые она ещё не видела. На Западе есть на что посмотреть. Катюша могла бесконечно глядеть на реки, поля, леса и озёра, забывшие людей. В какой-то момент чувство слияния с природой проходило, уступая место другому, более сильному чувству. По взгляду Катюши Один безошибочно угадывал этот момент. И вся окружающая действительность начинала казаться ей лишь красивой декорацией к реальной жизни, к одной реальности на двоих. И реальность эта заканчивалась только тогда, когда индикатор показывал два-три процента, и в рюкзаке не оставалось ни одного зарядного коктейля.

Иногда они летели в гараж, иногда в домик Кэт.

Любила ли она его? Она пока и сама понять не могла. Конечно, спроси он её об этом, она не задумываясь, ответила бы: «Да, люблю!» Но он не спрашивал. И она просто отдавалась

ему со всей страстью молодой и здоровой женщины, не особо понимая, для чего собственно эта страсть придумана природой. В эти моменты она совершенно забывала о том, кто он.

Иногда по каким-либо причинам они не могли остаться друг у друга до утра. В одиночестве Катюша задумывалась о том, что такие союзы большая редкость, правильно ли всё это, нужно ли, и если нужно, то зачем. Но мысли эти крутились в голове не долго, физически утомлённая и работой и Одином, совершенно счастливая, она засыпала быстро, так и не найдя ответа на основной вопрос: «А что дальше?»

Утром она просыпалась как обычно рано, собиралась быстро и, зная, что с минуты на минуту прилетит Он, совершенно не помнила о сомнениях, одолевающих её перед сном. Слыша знакомый и уже какой-то родной звук капсулы, она выбегала на крыльцо, обнимала его, говорила, что с базы сообщили о том, что сегодня выходной, лететь никуда не надо и, наверное, будь её воля, в самом деле никуда бы не летела и его бы не пустила.

Было и такое, что Один привёз Катюшу домой около часа ночи, а в четыре утра она вернулась в гараж. Работать они в тот день не полетели. И на следующий тоже. И после нескольких таких безвылазно проведённых дней Одину пришлось очень чётко разграничить работу и личную жизнь. Чувствуя по утрам её вопросительный взгляд, он целовал её и говорил:

– Кэт 3186, займите рабочее место. Перед самым важным, интересным, завершающим эпизодом сегодняшнего дня, нас ждут другие, не менее важные и интересные.

Катюша быстро запрыгивала в капсулу, и они летели обследовать часть их планеты, так сильно изменившуюся после Последней войны.

6

Чужие страдания или счастье можно понять, даже если лично не приходилось переживать подобное. А глубину измерить не получится – инструментов для этого не будет…
Универсал-3186, «100 лет без войны»

Посадки на время прекратили из-за жары, помечая на карте места, куда за саженцами надо будет вернуться осенью. И мест таких уже было немало. Весь следующий месяц после эпизода в пещере Лайноса растения просто сами находили их экипаж. То ли разгар лета, то ли способность Катюши их притягивать резко возросла после связи с Одином. Скорее всего и то и другое.

Во время поисков растений за ними, как и обычно, летали другие универсалы. Особо настойчивые, такие как Восьмисотый, не прекращали их преследовать даже тогда, когда они уже больше двух часов не объявляли о новых видах.

На базе об их отношениях через неделю знали уже все. Людям было всё равно, форматы не понимали, неформаты задумывались.

Зарулив после работы к одному живописному озеру, Один приземлился и, распахнув люк выхода, сказал:

– Сегодня ужин на природе.

– Только ужин? – спросила Катюша, увидела озеро и, не дождавшись ответа, побежала купаться.

Один захватил рюкзак со своими коктейлями, корзинку с ягодами, набранными в лесу втихую от Катюши, и злаковыми печеньками, которые он как смог, так и приготовил ещё вчера вечером.

– Один, а универсалы совсем не купаются? – крикнула Катюша и нырнула.

– Если тонуть начнёшь, то будут, – ответил Один, когда она вынырнула.

– А-а! Тону!

– У меня один рюкзак зарядников, так что или ты тонешь или секс. Выбирай!

– Всё, всё! Вылезаю! Не спасай меня!

– Я догадывался о твоём выборе, – ответил он, расстилая скатерть и расставляя на ней дары леса.

Катюша, вся мокрая, подбежала к нему, увидела «стол».

– Ух ты! Сколько всего!

– Всё тебе. А то ты меня уже два месяца кормишь, а я тебя всего раз на ужин приглашал.

– Тебя кормлю, это когда смотрю на индикатор и коктейльчики подаю?

– Ой, знаешь как напрягает постоянно следить за этим! Так что ты выполняешь тяжёлый труд.

Катюша рассмеялась.

– А я читала, что раньше приготовление пищи в самом деле тяжёлым трудом было. Это так?

– Конечно тяжёлым! Я вчера с этими печенюгами весь вечер провозился!

– Это же очень просто!

– Теперь знаю, что просто. Надо было делать, как ты: смешать все зёрна, да склеить мёдом или соком. А я нашёл старинный рецепт, даже пришлось достать некоторые приборы из лаборатории, чтобы их сделать.

– Из военных трофеев?

– Да, в то время без обработанной пищи никак было…

– Но получилось вкусно, – жуя сказала Катюша.

– И бесполезно, только калории наедаешь.

– Ты виноват, ты и будешь помогать калории сбрасывать! Сейчас я только их все съем.

– Увидели бы древние твой ужин, долго бы смеялись.

– Почему? – спросила она, горстями закидывая в рот ягоды.

– А было две крайности: одни проживали в тяжёлых условиях, где добыть пропитание было действительно трудно, а преобразователя Лайноса тогда не было, а другие просто жиру бесились. Целый культ еды существовал. В результате одни вкалывали за краюху хлеба, другие страдали от ожирения или других болезней, выбрасывали еду. Постепенно таких, кто питался как ты и все люди сейчас, стало большинство, и культ еды ушёл в прошлое. Все поняли, что много ведь не надо.

Хотя глядя на то, как Катюша с аппетитом догрызает последнюю печеньку и горсть ягод, он начал сомневаться в подобном утверждении.

– Но и мало не должно быть, – добавил он.

– Ага, – сказала она.

– В сети есть жуткие рецепты, большинство из них сейчас запрещено.

– Ну и правильно, – проговорила Катюша, вливая в себя родниковую лесную воду из чёрной бутылочки, позаимствованной у Одина. Свою бутылку она последнее время часто забывала, так же как и корзинку с едой.

«Интересно, – думал он, – как долго с ней ещё нельзя будет поговорить ни о чём серьёзном». Где-то в электронном мозгу щёлкнул ответ: «Один полный цикл».

«Совсем не долго», – с сожалением подумал он. Потом её мозг получит сигнал о том, что данный самец для неё бесполезен, и что будет дальше, он не знал.

Всё это время, пока он лежал, медленно пил свой коктейль и пытался начать историческую дискуссию, он умилялся и восхищался ею. Она сидела, распустив длинные мокрые волосы; купальник из дымчатой ткани, который она наконец-то купила, служащий ей в жаркие летние дни и рабочей одеждой, почти высох и распушился на ней, стал почти непрозрачным. Она жадно поедала всё, разложенное на скатерти, что-то ему отвечала, а в глазах ни на секунду не потухали искорки, делающие её и немножко глупой, и жутко работоспособной, и такой милой для Одина.

Сожалел ли он о чём-то? Нет. Он машина и бесплоден – это факт. Она – человек, женщина репродуктивного возраста – это тоже факт. И пока эти искорки горят, эти два факта не мешают друг другу. А потом… а потом видно будет.

– Кэтти! – тихо позвал он её, глядя, как искорки вспыхивают огнями. – Иди сюда…

Вылезая из озера полностью голышом, Катюша решила незаметно для Одина пробраться на борт ЛА, пока тот собирал раскиданные по траве вещи. Обходя полянку через заросли, она наткнулась на Восьмисотого. Испугавшись, она вскрикнула и тут же возмущённо заговорила:

– Ты что тут делаешь?! Чего тебе надо?! Один! Ты где?

Услышав неспокойный крик Кэт, он за доли секунды оказался рядом. Увидел Восьмисотого, расслабился и насмешливо спросил:

– Что приятель, тоже красотами природы любуешься после работы? Кэтти, ты бы оделась, – он бросил ей комок дымчато-белой ткани.

– Я пока не после работы, – пробубнил Восьмисотый.

– А-а… Значит ищешь интересные виды? Ну, тогда ясно.

Катюша засмеялась, натягивая и расправляя распушившуюся живую ткань купальника. Потом сказала:

– Вы сигнальте в следующий раз перед тем, как в кустах бродить собираетесь.

– Откуда я знал, что вы тут!

– Да ладно! – заговорил Один. – Наша ЛА пол поляны занимает, ты встал максимум метрах в двухстах отсюда. Когда снижался, и ты её видел, и твой радар.

– Один, полетели. Не будем нашему коллеге мешать искать… интересные виды, – сказала Катюша и снова засмеялась.

– Счастливого пути, – буркнул Восьмисотый.

Они пошли к капсуле. Один обернулся, глядя на Восьмисотого. Тот смотрел им вслед и думал: «Зачем? Зачем ему это?». Но счастливый вид Одина и запечатлевшийся образ Кэт в двух облачках белой дымки поднимали из глубин компьютерной души чувства, которые не хотелось обрабатывать и понимать. И, боясь, что этот поток унесёт его, он просто загнал их обратно, так и не поняв простой человеческой радости на лице Одина.

– Интересно, а Восьмисотый давно тут? – спросила Катюша, когда они взлетели.

– Даже если и давно, ему плевать на нас. Ну расходует тридцать первый свой ресурс нерационально, что такого. Тем более действительно, что такого?

– Кто его знает, он же тоже чем-то живёт.

– Своей правильностью.

– Что между вами происходит или произошло? Восьмисотый – это же из первых пробных моделей?

– Нет, это мы тут его Восьмисотым зовём. Меня же тоже иногда тридцать первым кличут, для краткости. Он семьдесят тысяч восьмисотый. Достаточно младше меня, если можно так выразится. От нулевой линии, наверное, не осталось уже никого…

– А вражда между вами откуда?

– Да это не вражда вовсе, так, недопонимание. Мне больше 160 лет. Модели с 1001 по 50000-ную создавали специально для приведения планеты в нормальный вид после войны. Официально то война закончилась, люди вроде всё осознали. Да и невозможно не осознать, когда численность вида сократилась раз в десять. Но всё равно находились отдельные индивидуумы, которые пытались кому-то что-то доказать. Они не воевали в открытую, так, пакостили ещё несколько десятилетий, сидя в норе. И люди продолжали гибнуть. Плюс многое сотворённое ими было разрушено, а у оставшихся в большинстве своём просто руки опускались что-либо восстанавливать. Человечество бы не вымерло, конечно. Но такими темпами бы одичало. Множество научных разработок пропало за время войны. Развивалась лишь микробиология с вирусологией. К концу войны даже к законам Лайноса интерес поутих. Забыли, из-за чего собственно воюют. А тут Макланус со своим изобретением. Люди, почувствовав защиту и поддержку, воспрянули духом. Всё больше становилось тех, кто верил, что их вид не обречён. Был создан ряд законов, восстанавливалась наука, разгребались завалы, обезвреживались террористы, и всё это с нашей помощью. И нашим ребятам, кто застал это время, около пятидесяти лет, досталось прилично. Универсал не такой уж и неуязвимый, как это кажется на первый взгляд. Иногда, спасая людей, они не успевали вовремя зарядиться. При своевременном обнаружении просто заряжали, при сбоях переустанавливали программу, а при несвоевременном… ты знаешь. Впрочем, каркас использовали заново, если оставался. Взрывы, пожары, опасные химические соединения – всё это убивает нас. Не так быстро как людей, но всё же убивает. Длительный контакт с водой, особенно с холодной, разряжает и убивает кристаллы мозга.

И самое главное – мы видели людскую боль, страдания. Когда смотришь на мать, которой из-под завала достаёшь мёртвого сына, на детей, которым ещё жить и жить, на всю разруху вокруг, на стариков, проживших вместе больше семидесяти лет и при этом похоронивших всех детей и внуков… После этого на жизнь невозможно уже смотреть только с позиции: рационально и нерационально. Невозможно просто действовать по инструкциям.

Восьмисотый был создан позже, он не видел событий Ликвидации, а я видел и лично переживал. И Рыжуля видела. Пытаясь помочь людям, начинаешь устанавливать себе всякие программы, позволяющие лучше чувствовать, понимать людей, сопереживать им. Многие

потом переформатировались, это не полное обнуление, лишь удаление части программ и ощущений, а мне дорога эта память.

После того, как война действительно закончилась, оставались ещё эпидемии, вспыхнувшие в тёплых, густонаселённых районах, куда сбежали люди с заражённых и холодных территорий. Были собраны все медицинские знания от древнейших времён, способы диагностики, лечения и скомпонованы в одну программу. Запустили линию машин с программой «доктор». Восьмисотый – один из них. И вроде как он тоже видел страдания, но масштаб другой. К тому же доктора наши легко справлялись с эпидемиями. Это придавало им уверенности и убеждённости в правильности рационального подхода к жизни. А видя каждый день смерть, чётко осознавая, что сам далеко не бессмертен, не всегда способен помочь, начинаешь ценить маленькие радости, которые преподносит жизнь, даже если это бесполезная трата энергии. С Восьмисотым одно время работали вместе, он доказывал мне своё, а я ему своё. Так до сих пор и доказываем. Теперь доктора почти не нужны, военные и спасатели тем более. Вот мы все и перепрограммировались на услуги, строительство и исследования в различных областях. Многие переформатировали память, то есть события они помнят, ощущения нет. А многие помнят всё. И я в их числе.

– Вам никогда не было обидно за сослуживцев, погибших из-за людей?

– То есть обидно на людей? Нет. Возможно, не нуждайся человечество в нас, Маклануса бы заклевали за его изобретение. Универсал не может плохо относиться к людям, как бы ему от них не досталось. История есть история и никуда от неё не денешься. Мы помогли устранить ад на Земле, но не надо забывать, что если бы не ад, мы бы не развились до своего сегодняшнего состояния.

– У таких, как Восьмисотый, нет души?

– Есть, но ей нет необходимости проявлять себя. И потребности нет. Не проходи он форматирование, может, и видно было бы, кто он на самом деле.

– Думаешь, только в форматировании дело?

– Точно знаю, что не только, но это одна из причин душевного отупения.

Решили остаться в гараже. Один хотел поработать в лаборатории и поспать в нормальной камере. Восстанавливать израсходованный ресурс – как он выразился. Он ушёл спать, предоставив Катюше разбираться с капсулой и её камерой восстановления самостоятельно.

– Ты там ничего не сломаешь, поверь. Самое страшное – потратишь больше энергии, чем нужно. Мы большую часть функций ЛА не используем. Она тебе сама покажет, что нуждается в ремонте, а что нет.

Катюша провозилась около двух часов, изучая инструкцию и переключая режимы восстановления. В конце концов разобралась, нашла оптимальный и оставила ЛА отдыхать в голубом тумане. Один вышел из своей камеры через пять минут после этого и сразу направился в лабораторию. Катюша прошла за ним, нашла один из военных трофеев – сушилку для фруктов, забросила туда ягоды и травы и подошла к Одину. Он быстро перебирал черенки, смешивал различные препараты, иногда смотрел на экран микроскопа, иногда что-то крутил в экспериментальной камере. Она вспомнила, как на озере он вихрем оказался рядом с ней и Восьмисотым.

– Всегда было интересно, из чего сделаны твои биологические ткани? – спросила она.

– Из биологических клеток. Кэт, это же очевидно, – ответил он, не отрываясь от работы.

– А откуда они взялись, клетки эти?

– Ты же знаешь историю создания щитов задолго до рождения Великого Лайноса?

– Вроде Рина Лебедева – его дальняя прабабушка.

– Да, верно. Её напарник и лучший друг, Максим Соколов, был убит за несколько дней до запуска первого образца. Рина тогда сама всё доделывала, и первый в мире щит над их поселением был запущен не через три дня, как они планировали, а через неделю. Они тут недалеко

жили. Первый запуск прошёл удачно, проект был внедрён повсеместно, и поселения, нуждающиеся в защите, её получили. Это было началом Разделения. После произведённого успеха Рина наконец-то осознала всю полноту своего горя, ведь они с Максом ещё и безумно друг друга любили. Но вот незадача: она была замужем и у неё была дочь. Муж, Данила, доверял ей полностью и никогда и словом не попрекал за долгое нахождение в лаборатории. Рина ночевать могла остаться на работе. Через месяц после убийства она поняла, что беременна. Слухи, конечно, ползали разные. Вплоть до того, что это дело рук мужа, ну, из ревности. В том, что ребёнок от Данилы, не сомневался только сам Данила, и в ночь убийства у него было железное алиби. Рина начала расследование убийства друга, но тут Данила вмешался, видимо семье угрожали. Щит не от всего спасал. Короче, по просьбе мужа, расследование она прекратила. И кто убил Максима Соколова, до сих пор остаётся загадкой. Есть версия, что не из-за щитов, а более серьёзных вещей. И я лично склоняюсь именно к ней – Ринетту то не убили. Но Макс не хотел ограничиваться лишь щитами и начал выводить очень интересные штаммы…

Один полил мутной белой жидкостью растение, утыканное привитыми черенками других видов, поставил его в камеру, включил фиолетовый туман и продолжил рассказ.

– Проходит два с половиной столетия, начинается Эпоха Преобразователя. У Великого Лайноса и Заряны было трое детей, один из которых погиб в младенчестве. А у их дочери с десяток. Их род разбрёлся по стране. Один из потомков этой дочери как-то заинтересовался историей предков, а заодно генной инженерией и программированием. Изучил всё, что можно было изучить у Лайноса, заодно всю историю семьи. Поехал на место жизни Рины, откопал где-то её дневник, из которого узнал о тайнике Максима. Изучил внимательно его родословную, нашёл где-то пересечение ветвей, то есть он оказался ещё и потомком кого-то из братьев Максима. Как родственник, получил доступ к дому Соколова, вскрыл тайник и нашёл чертежи универсалов. Представляешь, конец 21 века и чертежи универсалов! И, разумеется, всё об интересных штаммах.

Потом нашёл чертежи капсул у Лайноса, усовершенствовал и то и другое, соединил вместе, назвал себя Макланусом (как его звали на самом деле, никто не знает, может так и звали) и запустил первую пробную линию универсалов. После войны идея воспринялась на ура, так как надо было восстанавливать Землю. Когда жизнь людей наладилась, а универсалы значительно развились, их уравняли в правах.

– Обалдеть, история! Предприимчивый парень.

– И гений. Биологическую систему сделал из клеток Лайноса, Рины, Максима, своих, всей родни, ну и тех, кого посчитал достойными. Чуть более сотни тысяч индивидуумов. Уж не знаю, как он получил доступ ко всем ДНК. Так что где-то все универсалы – потомки Великого Лайноса или прочих выдающихся личностей.

– Странно, что об этом Макланусе так мало знают. Великому Лайносу чуть ли не поклоняются, про Рину помнят до сих пор, а тут, казалось бы, недавняя история, и никакого интереса к деталям. Спроси у любого, кто это такой, ответят: «Макланус? Инженер двухсотлетней давности? Который универсалов изобрёл? Да, талантливый был инженер». И всё! Никакой славы, легенд и прочего.

– Ну, ещё не обросла история легендами. Макланус жил одним днём, но на полную. Да и вёл он себя немножко по-клоунски, псевдоним себе забавный придумал, работал скорее для себя, из интереса, ради эксперимента, он как бы играл в науку, играл собственными возможностями.

– И играючи добился потрясающих результатов? Нет, и у него была цель.

– Да, была. Семья. Жена и куча детишек. Хотела легенду? Могу одну рассказать. Макланус всегда работал дома. У него было оборудованное помещение и отдельный кабинет, но доступ для домашних туда всегда был открыт. Он мог работать над серьёзнейшими вещами, внезапно врывались дети, они вместе играли в прятки по лаборатории, потом он

тут же опять включался в работу. Это универсал в человеческом теле, скорость перенастройки между видами деятельности была потрясающая. Так вот, сидел он однажды за столом и держал открытыми два экрана, на одном модель капсулы, на другом – универсала. Сидел и долго на них смотрел, пытаясь уловить какую-то ускользающую мысль. В это время зашла Никойя с очередным новорожденным ребёнком. Села перед ним на стол, увидела мужа задумчивым и посмотрела на экран. Видимо, ускользающая мысль Макланса была ею поймана, поскольку она напечатала две объёмные модельки и разложила их перед мужем. Он посмотрел на них, на жену с ребёнком, на то, как малыш мирно сосёт грудь в совершенно безопасном месте, и тут его озарило. Чтобы универсал мог функционировать, ему надо дать защиту и питание, чтобы капсула использовала все свои возможности, ей надо дать пилота, способного быть с машиной одним целым. Макланус взял модельку универсала и вложил внутрь модельки капсулы. Жена молча кивнула и ушла. Через месяц первые образцы уже работали.

– Вот уж поистине, любовь вдохновляет!

– И так во всём. Макланус не ставил цели прославиться или как-то глобально улучшить мир. Он просто жил, руководствуясь своими интересами и потребностями семьи. Одна из потребностей была выжить в том погибающем мире и остаться человеком. И он буквально изменял мир ради Никойи и детей. Когда изучаешь историю Лайноса, там он весь в сомнениях о правильном и неправильном, он гений, но руководствовался всегда разумом, до встречи с Заряной, по крайней мере, точно. И часто не своим разумом. Вокруг Лайноса вертелось много разной шушеры, он тоже жил исследованиями, но постоянно зависел от финансирования, запросов свыше, вбитых в голову с юности правил, был в постоянном напряге. Макланус не пытался найти истину, думаю, он знал её. Он один из первых фрилайферов и, несмотря на неполное окончание войны, он полностью использовал данную свободу. Хотя где он брал средства на такое количество исследований, что провёл, тоже загадка. Во многом он пример для современных людей. Думаю, через пару столетий его статус в обществе превзойдёт статус Лайноса.

– Великий Превеликий Макланус!

– Как-нибудь так и назовут. Сейчас все говорят о Лайносе, во времена Лайноса вся слава была у Рины, во времена Рины говорили о достижениях начала 21 века и так далее. Время Макланса стать легендой ещё не пришло.

7

…Не перестаю удивляться, что когда-то люди следовали инструкциям даже в таком вопросе… Правила, запреты, ограничения… необходимое для здоровья количество раз… Всё, не смешите меня…
Из дневника Екатерины Александровой

Очередной рабочий день выдался насыщенный на события, лететь куда-то дополнительно не хотелось, да и некогда было. Дарами леса заполнился весь багажник, домой надо было попасть как можно быстрее. Один завёл капсулу и сказал:

– Помнишь, Кэт, документы Лайноса, из пещеры которые?

– Забудешь такое!

– Я там немного разобрался. И то ли я не так понял, то ли Лайнос не так сформулировал… Он пишет, что энергию преобразователь берёт из параллельных миров, потому-то источник этот неиссякаемый.

– Вот сейчас то ли я не поняла, то ли ты не так сформулировал!

– Смотри, есть наша вероятностная линия, в которой мы живём. Секундой раньше и секундой позже, а может, и одновременно, существует другая. То есть параллельно есть мир, где мы так же летим в капсуле, но может, говорим о чём-то другом или ты сидишь по-другому, короче, что-то отличается. Это что-то формирует развитие дальнейших событий. Но для нас эти миры не важны, так как мы существуем лишь в этом и никогда не узнаем, что будет, если сейчас я, к примеру, полечу не в гараж, а на базу. Это и использовал Лайнос. Тем мирам относительно нас энергия не нужна, он изобрёл способ захвата её оттуда и использования.

– То есть это не просто преобразование?

– Похоже, что нет. Ниоткуда ничего не бывает.

– Как это представить? Параллельные миры… Пересекаются что-ли?

– Вроде того. И в точке пересечения происходит или выброс энергии или просто перекачка. Это Лайнос оставил без ответа. Представить нереально. Даже мой искусственный разум не может это сделать.

– Что уж о моём говорить…

Катюша откинула сиденье, легла на него и задумчиво посмотрела на Одина.

– Если сесть или лечь по-другому, события развернутся по-другому… Один, а получается, те миры без энергии остаются?

– Да, поэтому для нас их не существует.

– А для них? Мы, как бы воры получаемся? Или может, они у нас тоже что-то воруют… – она перевела взгляд на проплывающие над ними облака.

Один переключил капсулу на автопилот и перелез на сиденье Катюши. При виде полулежащей Кэт, мечтательно разглядывающей голубое небо, ждать до дома он не мог.

– Как бы там ни было, а надо срочно вернуть энергию параллельным мирам! – сказал он.

Катюша мгновенно вернулась из других вероятностей и, обрадовавшись такому дальнейшему развитию событий, стянула с него майку. Но тут он заметил индикатор, довольно быстро отсчитывающий показания.

– Подожди, Кэт. Не могу понять, заряд резко падает, – сказал Один, отстранив её на сиденье.

Он подошёл к восстановительному отсеку.

– ЛА, проведи тестирование.

Лучи капсулы заскользили по его совершенному телу. Катюша сидела, свернувшись калачиком, глядя на Одина глазами, полными слёз. Она его любит, она его хочет… и постоянно

забывает, кто он. Всегда между ними будут провода, камера, компьютеры, молчаливое непонимание окружающих. И её потребности, в еде, сне, других людях. В детях. Последняя причина особенно пробуждала в Катюше какое-то упрямство, уверенность в том, что она сможет так жить.

Минуты через две на экран было выведено сообщение:

«Производимые эмоции превысили допустимый порог. Дальнейшее функционирование в этом режиме энергозатратно. Подключите дополнительное приложение №7. В описании вся инструкция по использованию. В случае проблем обратитесь на базу».

– Как будто я специально произвожу эти эмоции… Так, приложение №7. Чего это такое?

Он прочёл вслух:

– Приложение №7. Секс. В моделях 2000 – 60000 является встроенным как дополнительное. Открывается по запросу. Позволяет снизить энергопотребление при общении с партнёром, а также даёт все знания, накопленные человечеством по этому вопросу.

– Встроенная камасутра, – засмеялась Катюша.

– Дальше слушай, тут ещё много. «Функция секс является энергозатратной даже при подключённом дополнительном приложении. Необходимо постоянно контролировать наличие источников питания, а при внезапном резком снижении заряда перейти в экономный режим до выяснения причины». Так и представил, как я одним глазом на тебя смотрю, а другим на источники питания.

– А как мне будет обидно, если ты внезапно перейдёшь в экономный режим, – еле сдерживая хохот, сказала Катя.

– «Также вы можете подключиться к внешнему зарядному устройству или использовать камеру восстановления». Не понимаю, и зачем я тебе такой нужен?

Катюша встала, подошла к нему и сказала:

– Нужен, правда, очень.

– Очень? Ну тогда устанавливаем… Садись рядом и подай мне внешний зарядник на всякий случай. Смех смехом, а вдруг меня убьёт этот секс до того, как я им займусь.

Катюша протянула ему тот самый провод, благодаря которому универсалы могли подолгу находиться вне базы и гаража, используя лишь энергию, генерируемую капсулой за счёт эффекта Лайноса, то есть практически из ничего. Один вставил его в браслет на запястье и эту же руку приложил к панели управления восстановительным отсеком.

– ЛА, распакуй мне седьмое приложение.

По экрану понеслись непонятные символы открываемой программы. Внезапно этот поток прекратился, и высветилось окно, требующее ввести пароль.

– Что за пароль? ЛА, что это значит?

Зазвучал мелодичный голос капсулы:

– Для дальнейшего доступа требуется пароль.

– Объяснила… У меня его нет и где взять не знаю.

– К сожалению, ничего не могу поделать. Обратитесь на базу.

– Ладно, спасибо, – он посмотрел на Катюшу и сказал. – Представляешь лицо Рыжей, когда я обращусь на базу?

– Хотелось бы видеть!

– Надо было цеплять внешний зарядник и не париться, разбираться начал зачем-то.

– Зарядник подключён…

– Честно, я уже ничего не хочу.

– Я тоже. Но, ради интереса, свяжись с базой.

– Действительно, первый раз пароль просят для установки собственной программы.

– Нарушение свободы личности, Один! Да ещё в каком личном вопросе!

– ЛА, соедини меня с линией У-2469.

«Соединение установлено», —мелькнуло на экране.

– Один! Привет! А чего это ты по этой линии, опять решил воспользоваться старыми связями? Сразу говорю, у меня завал, если нужны архивы, сам прилетай, – звонко сказала Рыжая. Энергия как всегда била из неё ключом.

– Привет, солнце базы нашей! Не совсем так. У меня одно дополнительное приложение запрашивает пароль. Номер семь. А я понятия не имею, зачем и какой. Помню доп. №3 устанавливал, ничего не просили.

– №3 – это чувство юмора, а ты… – голос У-2469 стал смешливо кокетливым, – о любви просишь! Заслужить надо.

– И как?

– Вообще, подать запрос через рабочую линию. Я его получаю, отправляю дальше, мне приходит пароль, я отправляю его тебе. На всё про всё минут пять.

– Что за бред?

– И за тобой установят наблюдение.

– Это ещё зачем? По-другому никак?

– Долго объяснять. Один, у меня тут столько дел! Я тебе перезвоню через пару минут, – отключилась Рыжая.

Они переглянулись. Наблюдение? Катюша спросила:

– А за собственно тем, ради чего всё это затевается, тоже наблюдать будут?

– Сам в шоке! Ничего не понимаю. Сейчас Рыжуля нам всё растолкует.

«Рыжуля! Старые связи! Солнце базы!» – думала Катюша. В люк капсулы рыжим светом светило заходящее солнце. Однозначно, ей скоро разонравится этот цвет.

Послышался сигнал вызова.

– Один, посторонних рядом нет? Только Кэт 3186? Я так понимаю, она виновница торжества?

– Да. В смысле, нет посторонних.

– Тогда ладно. Я тут поподробнее посмотрела… Ты находишься в группе риска по нескольким причинам. По инструкции я должна сейчас сообщить о твоей просьбе в отдел управления базой, даже если ты вот просто так по-дружески позвонил, но я этого делать не буду. Более того, в память о нашей дружбе, напомню тебе страшную-престрашную тайну: с 344 (2676) года ты полноправный гражданин Земли, с 358 (2690) года твоя капсула не соединена с базой, иначе все твои махинации с цветочками давно были бы известны. Пока ты не засветишься со своей просьбой, наблюдать за тобой никто не будет. Так что, просто введи пароль правильно, и база даже знать не будет о распакованной программе.

– С наблюдением понятно, где пароль-то взять?

– Попробуй умножить свой серийный номер на два, полученное число и введи в программу. Если всё так, как я думаю, должно заработать.

– А ты откуда знаешь, что на два?

– У меня так было. Создатели особо не заморачивались со сложностью паролей. Могу, конечно, и ошибаться. Тогда только через базу.

– У тебя распаковано седьмое приложение? – Один явно удивился.

– Было дело… Должен же помнить!

– Я помню, про седьмую программу не знал.

– Тоже мне! Хотя неудивительно… Но я как правильная тогда, всё через базу. Просто никто не знает, что пароль простой, он нужен, только чтоб на базу обращались. И я тогда не знала, но меня это наблюдение особо не смущало.

– За тобой и сейчас наблюдают? Чего тогда мы тут прятаться пытаемся?

– Ну что ты! Я же не дура. Не боись, я приложение давно удалила, полностью, за ненадобностью и бессмысленностью, оставив лишь сладкие воспоминания.

– А наблюдение удалили?

– Должны были. Один, ты же знаешь, времена бесправия прошли, но ни в чём нельзя быть точно уверенным. Думаю, меня с моей репутацией и умениями оставлять под наблюдением из-за событий девяностолетней давности, по меньшей мере, нерационально. Через базу ты точно засветишься, а так… введи циферки, ведь ничего не теряешь. А вообще-то… Кэт 3186 слышит?

– Да, я здесь, – отозвалась Катюша.

– Вообще-то, скажи ему, пусть цепляет внешний зарядник и по старинке, ведомый одной лишь интуицией… Зачем вам эти энциклопедические знания.

– Рыжая, как раз в зарядниках и дело, а не в знаниях! – возмутился Один.

– Боишься, даже генератор Лайноса не выдержит? С такой женой то конечно, любой бы переживал. Ничего, откачать успеем. В смысле наоборот, зарядить, – смеясь, сказала она. – Ладно, до встречи. Буду работать. Всё же это дело двоих, а мне столько непристойностей в голову приходит.

– Спасибо, Рыжуля. До встречи.

Катюша уже просто хохотала, не стесняясь.

– Вот бестия рыжая! – сказал Один.

– Да ладно тебе, она же подсказала, что знала. 6372.

– Что?

– Я считать умею.

– А, да. Надо уже разобраться с этим сегодня. Но ничего не будет, и не надейся.

Один ввёл цифры.

– Ничего… – разочарованно сказал он. – Ну и чего? Не соглашаться же на наблюдение в самом деле!

– Попробуй на три умножить, – предложила Катюша. – У Рыжей двухтысячная линия, у тебя трёх.

– Сейчас посмотрим… – он ввёл число. – А то придётся контролировать наличие источников питания. Чего ха-ха? Смешно ей!

– Смотри! – она кивнула на экран.

«Пароль принят. Ожидайте до конца установки», – мелькнуло на экране, и снова поползли различные символы.

– У вас с Рыжей странные отношения, – сказала Катюша, когда они прилетели к её участку.

– Просто очень хорошие друзья. Долго работали вместе. Во время Ликвидации – в одном экипаже. Много раз спасали друг другу жизнь, много раз прикрывали друг друга перед руководством. Очень трудное время пережили вместе.

– Понятно. Зайдёшь? Как программа?

– Э-э… Заряд, смотрю, держится, но… Кэт, не обидишься, если я к себе полечу?

– Нет, но не понятно. Может, просто зайдёшь?

– Нет, не могу… Мне смотреть на тебя тяжело… – он вздохнул. – Нет, не так, не в тебе дело… Кэт, я не знаю, как объяснить!

Катюша пересела со своего сиденья к нему, провела рукой по волосам и поцеловала. Показания индикатора не изменились.

– Ну, работает же, – сказала она.

– Да, но… слишком много чувств… Понимаешь… Машина не может столько чувствовать…

– Это же хорошо. И… ты не машина.

– Может быть… Мне не понятно, мне подумать надо.

– Ладно, думай. Выпусти меня.

Она часто вспоминала, когда же всё-таки полюбила его. И всё больше убеждалась, что да, той ночью. Когда после установки программы он высадил её у дома, полетел к себе, а через несколько часов пришёл пешком, с букетом набранных по пути простеньких цветочков.

Катюша уже ложилась спать, когда в дверь постучали. Испугавшись, она подошла к двери и прислушалась.

– Кэт, это я, – послышался голос Одина.

Она открыла дверь. Один протянул букетик со словами:

– Знаю, это старомодная глупость – дарить цветы обитателю домика, оплетённого лианами вьюнков, и вообще гнать меня надо отсюда. Но…

– Заходи уже, – сказала Катюша, втянув его внутрь. – А где ЛА? Ты что, пешком?

– Ну да, решил прогуляться.

– А вдруг?..

– Не вдруг, у меня полный заряд и целый рюкзак коктейлей. ЛА отдыхает, ей тоже надо, – перебил он её.

– Тебе виднее, – сказала она, ставя цветы в воду.

– Не разбудил?

– Как раз собиралась ложиться.

– А мне можно… остаться?

– Да вообще-то нужно!

Когда она, умирая от желания, пыталась уснуть рядом с ним. Вдыхала сводящий её с ума металлический запах и ждала, что он всё-таки сдёрнет с неё дымчатую ткань почти неощутимой сорочки. На небольшой комочек этой ткани ушла почти вся первая зарплата. Давняя Катина мечта, из пушистого шара, похожего с виду на вату, можно сформировать наряд прямо на себе, просто растягивая его ладонями. А при снятии просто сдёрнуть, разорвав по швам и слепить обратно в комочек. Она купила бы целый костюм, но денег хватало только на комплект белья. Впрочем, Катюшиной фантазии хватало на то, чтобы даже из такого небольшого количества каждый день «шить» что-то новенькое. Почти не требующий ухода материал, разве что стирки иногда простым замачиванием в холодной воде, да высушиванием под солнцем, полностью оправдывал свою стоимость. После купания и солнечных ванн невесомый комочек пушился и увеличивался в объёме.

Но Один обнял её и сказал:

– Понимаешь, мне надо это… просто побыть рядом.

И когда она, наконец, уснула, долго-долго смотрел на неё и думал о чём-то своём.

Проснувшись утром, она обнаружила, что он тоже «уснул», перейдя на сниженное потребление энергии. Разбудить его можно было просто назвав серийный номер или слегка толкнув, но она не спешила это делать.

Тогда она и поняла, что произошло что-то, после чего обратного хода уже не будет. Теперь её жизнь связана с ним чем-то, пока ещё не осознаваемым ею до конца. Ей стало не важно, будет ли секс через день или неделю. И даже будет ли вообще. Стало всё равно то, чем он занимается в лаборатории, даже если это что-то незаконное. Она вообще не думала о расовых различиях, делающих семейную жизнь, в обычном понимании, практически невозможной. Рядом был родной ей человек, пусть даже он и не совсем человек. Их ждало что-то великое впереди. Но только если они будут вместе.

Она попыталась выбраться из его стальных объятий. Перейдя в активный режим, Один открыл глаза.

– Выспалась? Я тебе не очень помешал?

– Вообще нисколько, – пробурчала Катюша. – И чего только приходил!

– Не обижайся, Кэтти. Я пока не понимаю, что со мной происходит.

– Я не обижаюсь, нисколько, – сказала она, пододвигаясь к нему и целуя. – Не надо ничего понимать.

– Кэт, два часа до нашего обычного вылета, – сказал он. – Я схожу за ЛА и обратно.

– Как знаешь, – она со вздохом разочарования уткнулась в подушку.

– Поспи ещё.

Она села рядом с ним.

– Не смогу, я тоже не понимаю, что происходит. Похоже, тоже эмоции превысили допустимый порог.

– «До этого о любви они лишь читали», – процитировал он какого-то древнего автора.

– А кто-то и читал не часто. Иди, если сможешь, прилетай раньше. Я буду готова.

Рабочий день прошёл тихо, без приключений, без особого восторга по поводу довольно большого количества найденных растений. Даже наткнувшись на старинный погреб со множеством интересных вещей, среди которых были и книги, Один передал право на открытие Восьмисотому. Катюша не возражала, но была удивлена. Он объяснил:

– Там ничего интересного не будет. Это обычный хорошо сохранившийся подвал, видно же. Здесь деревня была, книги, скорее всего по способам консервирования продуктов или разведению коров, может, стрелялки или романы о любви. А я со своей любовью разобраться не могу, хоть стреляйся… Приятель наш упрямо летает за нами, не знает, что и без него тошно. Много за эту находку не дадут и, чтобы не видеть Восьмисотого, я бы ещё столько же доплатил. Пусть радуется.

– Тебе виднее, – ответила Катюша.

– А ещё я ему денег должен.

– Ну хоть чуть-чуть успокоил. Узнаю своего Одина.

– Иногда просто завидую форматам!

«Формат» – от Одина это звучит как оскорбление. Она с грустной улыбкой взглянула на Восьмисотого, переносящего старинные механизмы и книги в капсулу. Потом он отвезёт это всё на базу, оформит всё по правилам, сдаст в музей… Один бы половину точно себе оставил. «Ведь хорошие друзья, и такие разные», – думала она. Восьмисотый исчез из поля видимости. Катюша посмотрела на Одина.

Расспрашивать его о его состоянии она не стала. Своё собственное тоже несколько напрягало. Надуманными ли были проблемы межрасовых пар или в самом деле существовали, она пока понять не могла. Сегодня она проблем не видела, существенных. А в будущем? С простым человеком всё было бы ясно. Строите поместье, занимаетесь садом, рожаете детей, что-то делаете для поселения, что-то продаёте, что-то сдаёте Комитету или живёте скромно и ничего не делаете, растите детей, общаетесь с такими же семьями. Рядом с Одином будущее казалось непредсказуемым, что Катюша считала только плюсом отношений. Или будущего не было.

– Сегодня придёшь в гараж? – спросил Один, когда они уже летели домой.

– Если не помешаю, приду.

– Может, сразу полетим?

– В саду работы много.

– Чем помочь?

– Не надо, чувствую, и тебе, и мне надо побыть одним, хоть пару часов. Я сама приду, как темнеть начнёт.

– Хорошо.

Через пару минут он сказал:

– Кэтти, меня от этой программы накрыло. Я теряюсь, когда тебя вижу.

– Там же вроде знания какие-то энциклопедические.

– Ощущения, похоже, вообще, вне понимания. Я и до этого не очень себя понимал.

– Давай не будем разбираться. Я приду сегодня, хочешь, просто посплю рядом, как и вчера, хоть это и тяжело, просто спать рядом. Захочешь один побыть, отвезёшь меня домой или я буду наверху, в своей комнате, а ты в восстановительной. Могу не приходить, я не обижусь.

– Нет, приходи обязательно. Я просто не знаю… что будет.

– Что бы ни было, мне хорошо рядом. О, прилетели! До вечера тогда.

– До вечера, звони, если что, подъеду.

– Ага, – Катюша выпрыгнула из капсулы.

Он смотрел ей вслед, а когда она почти скрылась в доме, перешёл на гиперрежим и через секунду оказался у своего гаража.

Как только приложение №7 было распаковано, он почувствовал, что смотрит на Кэт по-другому. Все его чувства, до этого ограниченные возможностями программы, получили возможность развернуться в полную силу. Программа давала не только экономию заряда и возможность чувствовать желания партнёра. Она давала возможность любить. Один и до этого любил Катюшу, но это было скорее чувство благодарности, ответственности и желания помочь, помноженное на дружбу. Катюша стала частью его. Весь день, пока они работали, он не мог налюбоваться на неё. И, наверное, впервые в жизни пожалел о том, что он не совсем человек. Он считывал всю информацию о ней, все желания, потребности, её состояние, чувства и… возможности. И дать ей реализовать все её возможности он не сможет.

В гараж Катюша зашла осторожно, как будто боясь нарушить его одиночество. Было уже темно, и свет включился автоматически. Она жестами погасила его и направилась в восстановительную камеру, где и нашла Одина. Похоже, что отключил он её совсем недавно. Воздух ещё подрагивал сиреневым туманом. Обычно шумная и смеющаяся рядом с ним, она подошла тихо и просто села рядом.

– Ты как? – осторожно спросила она и смахнула с его плеча фиолетовые пылинки.

– Не знаю… Кэтти, ты перспективу какую-то для нас видишь? Есть ли смысл в этих отношениях?

– Есть, конечно. Нам же хорошо вместе, – она ожидала чего угодно, но только не такого вопроса.

– Ты уверена, что тебе всегда будет этого хватать?

– Один! Не пугай меня! Ты к чему всё это? Что ты там установил себе?

– Кэт, нет, нет! Я ни о том, что всё прекратить надо. Только не сейчас, не теперь…

– Никогда! Я не смогу без тебя уже.

– Похоже, что я без тебя тоже. Просто… Я не смогу дать тебе жизнь фрилайфера, к которой ты стремишься, быть рядом. У меня есть и другие задачи, кроме просто жизни.

– Я смогу быть рядом.

– Не смогу дать детей.

– Я знаю, это не меняет ничего. Один, я прошу тебя… Не думай ты об этом. Знаю, что ты не можешь не думать, но…

– Кэт, мы настолько разные! Я сейчас только понял насколько.

– Что-то я не замечала. Пойдём наверх? Мне там удобнее спать, только и вся разница. Ну, ещё есть несколько отличий, физиологических, но это же мелочи. И быть вместе нам ничего не мешает.

Он встал и молча пошёл наверх. Катюша, видя его состояние, ни на что не надеялась. Ей хотелось быть рядом, понять, что его так тревожит. Она пошла за ним.

Такого Одина, как в тот вечер, она видела первый и последний раз в жизни.

– Кэтти! Все те люди… Которые гибли тогда… А те, кто в живых оставался… Я понимаю, что они теряли… Это чувство, Кэтти!.. Это тяжело, ужасно тяжело, но если этого не будет, то и жить уже смысла нет…

Он очень редко говорил про войну, а если и говорил, то монотонно, лишь рассказывая какое-то событие. Новая программа обострила все его чувства, и любовь к Катюше, и общее восприятие жизни, и сделала ещё страшнее и без того страшные воспоминания.

– Кэтти! Ты знаешь, что ты очень красивая!

– Теперь знаю, – ответила она.

– Я машина, Кэт! Робот, компьютер!

– Нет! Ты человек, просто другой. Другой расы. Ты мой муж, мой любимый. Мой друг!

– А знаешь, что я хочу сейчас больше всего? Чтобы как до Последней войны… Я никакой не робот, а ты не можешь управлять зачатием… Люди… они настолько не ценили то, что имели… Земля и изобретение Лайноса прокормили бы и вдвое большую численность населения, чем тогда… Но нет! Зачем всё это было нужно, Кэтти? Зачем нашу расу создали? Это же пытка! Осознавать всё это… чувствами. Макланус, его машины, я – порождение ада.

– Я тоже оттуда. Весь сегодняшний мир оттуда.

– Зачем люди прошли через весь тот ад?

– Чтобы мы встретились…

Утром Катюша вскочила с кровати и бегом бросилась вниз.

– Один! Мы проспали! Одиннадцать часов уже!

Он как раз выходил из восстановительной камеры.

– Кэт, я бы не сказал, что мы чего-то проспали… Мы, вроде, вообще не спали. Лес никуда не денется, не волнуйся.

Он был такой же как всегда: чуть насмешливый взгляд, самоуверенный тон. Новые чувства были осознаны, взяты под контроль и разложены по файлам. Катюша подошла к нему и посмотрела в глаза.

– Что с тобой было ночью? – спросила она.

– А что было ночью? Что-то не понравилось? Мне показалось обратное.

Катюша улыбнулась и выдохнула, пытаясь прогнать воспоминания тела. Убедиться в возвращении «самоуверенного выпендрёжника» было гораздо важнее, чем петь оды разработчикам седьмой программы.

– Ты обычно рассказываешь какие-то эпизоды истории достаточно спокойно, а тут… ты как будто сожалеешь о чём-то, даже о том, что было задолго до тебя.

– Я же говорил – слишком много чувств, искусственный разум не успевал обрабатывать. Человек бы просто выключил его на время, а я не могу. Но теперь мне всё ясно, ночь любви не прошла зря.

– Ещё бы! До сих пор круги фиолетовые перед глазами…

Он ничего не ответил, лишь самодовольно усмехнулся.

– А что тебе ясно то стало? – спросила она.

– Если ты робот – это не приговор. Когда доп.№7 установлен и есть, кого им удивлять. И вообще, думать меньше надо.

– Да… Ты сделал очень неожиданный вывод… Мы сегодня летим куда-нибудь?

– Спать хочешь?

Она не ответила, зевнула и обняла его.

– Собирайся, в капсуле поспишь, пока я буду собирать тебе ягоды с цветочками на зиму. А то и не заметишь, как есть в лесу станет нечего.

– А образцы?

– Не найдём ничего, так не найдём. У нас план перевыполнен намного.

– Найдём, до вечера время есть ещё. У меня такое состояние, как будто весь день на гиперскорости летали – реальность плохо ощущаю. А когда не думаешь – растения сами находятся.

– Кэтти моя! – он поднял её на руки и закружил по всему первому этажу гаража. Со звонким смехом они упали на диван.

– И чего я раньше не знал про этот доп. №7? Столько потеряли! Я не про растения.

– Нет, Один! Ничего мы не потеряли.

– Хочешь сказать, наверстаем. Да я бы даже и не против уже начать навёрстывать, но забытый Запад ждёт нас. А конкуренты нет. Так что через десять минут второй пилот должен прибыть в полной готовности на взлётную площадку.

– Второй пилот будет даже через пять!

Новая программа давала многое. Действовала по принципу обратной связи. Все самые сокровенные желания Катюши исполнялись Одином ещё до того, как она себе в них признавалась. Во время близости они были одним организмом. Он жил её чувствами, делал её счастливой и от этого был счастлив сам. Но какая-то его индивидуальность, так ценимая Катюшей в первый месяц, терялась. Он даже в своей лаборатории бывал реже, реже рассказывал интересные истории. Почти не летал по лесу без цели. Это, конечно, вполне компенсировалось. Катюша и не представляла, что можно быть настолько счастливой от обычной физической близости и даже иногда не верила, что всё это с ней происходит. А Один не верил, что так будет всегда. Не получалось, как ни старался он в это верить.

Они сидели на вершине холма. Рабочий день был закончен. Сидели, облокотившись спинами друг на друга. Один пил зарядный коктейль, Катюша ягодный сок. ЛА стояла внизу. Со всех сторон холм был заросший, и только с той стороны, где они сидели, была невысокая трава. Лужайка спускалась к самому низу. Лес ровно очерчивал её вокруг. Катюша спросила:

– Один, а почему здесь всё не заросло? Как будто газон кто-то косит. Смотри, даже не цветёт ничего, просто трава зелёная.

– Аномальная зона. Мы тут обследовали всё вокруг, и под холмом тоже. Даже думали, вдруг старинный бункер там какой, а с этой стороны выход. Ничего не нашли.

– А из-за чего тогда так может быть?

– Кто-то когда-то приказал лесу здесь не расти и траве не цвести, и они до сих пор слушаются приказа.

– Так можно?

– А почему бы и нет? Ты же слышишь растения, и они слышат.

– Я же не приказываю.

– Тебе не нужно это. Тогда, возможно, было нужно. И лес согласился, что нужно, и перестал здесь расти.

– Но как?

– Элементарно. Желанием. Люди же научились контролировать рождаемость при помощи желания. Теперь они очень не скоро заселят Землю. После войны ещё был всплеск рождаемости, а теперь всё. Всё под контролем! И ты скорее всего умеешь так.

– Да, умею. Пользоваться не приходилось. У меня до тебя не было никого.

– У меня тоже. За 165 лет, представляешь?

– Не представляю. А почему?

– Универсалам секс как таковой не нужен. Это так, бонус от Макланууса. Нужны эмоции. Я, честно, вообще не особо отличал людей по половому признаку. Во время Ликвидации не до того было, потом… не знаю. Все одинаковые. Природа создаёт уже около сотни лет лишь красавиц, пойди пойми, где твоя.

– А со мной что не так? Страшная? – спросила Катюша.

– Страшно красивая! Я в тебе увидел что-то… Кэт, как сказать… Я до встречи с тобой как в яму летел. Война давно закончена, исследовать лес интересно конечно, да и мы не только этим занимаемся, но я изначально для другого создан был. Можно убрать все лишние программы, чтоб просто выполнять поставленную задачу. Ничто тогда в душе скрестись не будет,

но я не хочу так. Мне и память дорога, и ощущения, я жить хочу. Наверное, в глубине души отрицаю, кто я. Ты даёшь эту возможность – жить полноценно. Как увидел тебя, понял, что примешь меня. Были сомнения и, признаюсь, сейчас есть. Но лишь в том, правильно ли по отношению к тебе всё это. Для себя я решил всё.

– Не сомневайся во мне. А я даже и не решала ничего. Это же как дышать. Мы вместе, что ещё надо? О чём тут думать?

– За это и люблю тебя, Кэтти. Ты живёшь просто, одним днём можно сказать.

– Жизнь – она короткая, у смертных. И надо жить. Некогда мне задумываться, вот стану старая и страшная. Разлюбишь тогда, ты то всегда такой останешься, как сейчас.

Один развернулся к ней и повалил её на траву. Его смешная причёска делала его похожим вообще на мальчишку. Да, он всегда таким будет, а она постареет. Ну и пусть, это же потом будет, не сейчас.

– Никогда ты не будешь старой, Кэтти! Выглядеть станешь взрослее, не больше. А вообще все мы смертны, вопрос времени.

– И вы, и ты?

– Конечно, у меня может чуть больше времени, чем у тебя. Когда-нибудь и со мной что-то случится, и ничего после меня не останется. И тебя за собой тащу. Кэт, у тебя ведь есть возможность не погибнуть навсегда. Наличие потомков увеличивает вероятность концентрации индивидуальности…

– Только не научный трактат с формулами! Один! Прошу, только не сегодня.

Он поцеловал её. Любознательность и готовность часами слушать его и ужасная лень, не позволяющая промолчать даже ради приличия, чередовались в Кэтти так же часто, как и смена настроения. И он просто обожал её такую.

– А теперь представь, что я с другим. Только, чтоб возможность свою использовать, – прошептала она.

– Не хочу представлять. Умрём ведь оба от тоски.

– Тогда и не говори так. Никогда не говори, и я не буду…

Она притянула его к себе. Все её желания, всё спокойствие и уверенность в лучшем исходе событий мгновенно передались ему. Сейчас он точно больше не будет говорить…

8

Мы никогда не нарушали личные границы друг друга и почти никогда не расставались надолго. В этом и весь секрет.
Универсал-3186, «Полянка жёлтых роз»

Всё больше заштрихованных красным участков, означающих, что там лес изучили вдоль и поперёк, появлялось на карте. Экипаж 3186 умудрялся находить растения и там. Специально они их в обследованных секторах не искали. Один летал туда, только если раньше Катюша не видела эти места. Летал с целью показать природное разнообразие и накопать необычных растений. И примерно каждый третий обследованный сектор оказывался недообследованный. Какую-нибудь мелочь она обязательно находила. И почти всегда ядовитую. Аптечка капсулы израсходовалась за две недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.